

**ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В РОССИИ 1915–1917 гг.**

Е.Е. Петрова, К.О. Битюков

Елена Петрова

**Великокняжеская оппозиция
в России 1915-1917 гг.**

«Астерион»

2009

УДК 94(47)
ББК 63.3

Петрова Е. Е.

Великокняжеская оппозиция в России 1915-1917 гг. /
Е. Е. Петрова — «Астерион», 2009

Работа посвящена политико-административной элите России начала XX века, неотъемлемой частью которой являлись великие князья. В ходе работы изучены причины и эволюция политических взглядов великих князей, результатом которой стал их переход от опоры монархии к оппозиции. Великокняжеская оппозиция рассматривается как элемент политического кризиса в Российской империи в 1915–1917 гг. Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3

© Петрова Е. Е., 2009
© Астерион, 2009

Содержание

Введение	6
Часть I. Великие князья: от опоры монархии к оппозиции самодержавию	8
Глава 1. Источники и историография по проблеме великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг.	8
Глава 2. Кризис системы семейного правления	26
Часть II. Великокняжеская оппозиция 1915–1917 гг.	35
Глава 1. Политическая эволюция великих князей Николая Николаевича и Николая Михайловича в 1915–1916 гг.	36
«Если государь не примет программу Витте... я застрелюсь у него на глазах»	36
«Престиж великих князей подорван окончательно...»	38
«Вначале государь и государыня встречали Распутина у великих князей Петра и Николая Николаевичей...»	39
«Всякого рода дурные элементы... хотят использовать его как знамя...»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Е.Е. Петрова, К.О. Битюков
Великокняжеская оппозиция
в России 1915–1917 гг.
Монография

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук

Научный редактор:

доктор исторических наук А.Н. Цамутали

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Ю. Черняев;

кандидат исторических наук С.В. Куликов.

Введение

Великокняжеское окружение последнего русского императора в последние годы неоднократно привлекало внимание российских и зарубежных историков. Особое внимание в работах, появившихся с 1990-х годов, уделялось повседневной духовной, нравственной жизни великих князей, их общественной деятельности. Появление подобных исследований стало возможным не только в связи с ностальгическими настроениями по «благополучной» России начала XX в., но и благодаря введению в оборот новых источников. Однако в этих работах не затрагивается политическая деятельность великих князей, в то время как сопоставление вновь обнаруженных материалов с уже изученными позволяет по-новому взглянуть на великокняжеское окружение Николая II накануне Февральской революции. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел и осветить политическую деятельность великих князей в 1915–1917 гг.

В начале XX века политико-административная элита России, неотъемлемой составной частью которой являлись великие князья, претерпела значительные социальные и структурные изменения.

С одной стороны, в России, как и во всем мире, происходил процесс профессионализации системы управления, что требовало привлечения к работе специалистов исходя не из их сословного происхождения, а из их деловых качеств. От этого в первую очередь пострадали великие князья. В системе государственного управления они стали оттесняться на второй план.

С другой стороны, наряду с бюрократами-назначенцами в России появилась качественно новая представительная власть, состоявшая из депутатов Государственной думы. Это также оттесняло великих князей от власти. Все больше они играли символическую, а не реальную политическую роль. В связи с этим менялось их отношение к монархии, и эти процессы порождали в их среде более либеральные по сравнению с императором взгляды.

Кроме того, в ходе мировой войны углубились многочисленные противоречия и внутри бюрократической части элиты. К ним относились противоречия между правительством и Ставкой Верховного главнокомандования, внутри самого правительства, между высшей бюрократией и императорской семьей. Наконец, существовал раскол и внутри самой императорской фамилии – между великими князьями и императорской четой, – чему немало способствовало появление Г.Е. Распутина, который вытеснил великих князей из семьи императора, снизил их влияние на императора и императрицу.

Таким образом, социальный и структурный раскол правящей элиты России угрожал великим князьям, во-первых, снижением социального статуса, которым они обладали, прежде всего, благодаря своему царственному происхождению, а не профессиональной компетентности, и, во-вторых, потерей политической значимости как следствие многочисленных противоречий внутри бюрократической части элиты.

В данных условиях главным политическим ресурсом великих князей осталась лишь близость к императору как источнику власти.

Таким образом, великокняжеская оппозиция 1915–1917 гг. являлась неудачной попыткой великих князей вновь обрести самостоятельную политическую роль, которая вылилась лишь в борьбу за сохранение социального статуса. При отсутствии реальных властных полномочий, собственной политической программы и социальной опоры это было возможно лишь за счет посредничества между императором и другими политическими силами страны.

В ходе работы было установлено, что анализ проблемы политической роли великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг. в отечественной историографии являлся идеологизированным, что не позволяло осуществить комплексное рассмотрение данной проблемы.

Группировка великих князей по генеалогическим ветвям (Александровичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи) оказала влияние на структуру великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг., в которой существовало несколько центров. Но своеобразными лидерами великокняжеской оппозиции являлись лишь великие князья Николай Михайлович и Николай Николаевич.

Данное исследование содержит новую, предложенную авторами периодизацию великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг. Если с августа 1915 до ноября 1916 г. проходил процесс формирования великокняжеской оппозиции, то саму великокняжескую оппозицию как элемент политического кризиса осени 1916 – зимы 1917 г. можно разделить на следующие периоды: 1-й период (1 ноября – 3 декабря 1916 г.) – период предупреждений, в течение которого, с одной стороны, великие князья солидаризировались с оппозиционно настроенной частью бюрократических, думских и военных кругов, с другой стороны – реализовали идею коллективного выступления; 2-й период (4–31 декабря 1916 г.) – период активной самозащиты великих князей, в течение которого, с одной стороны, произошло убийство Г.Е. Распутина при участии великого князя Дмитрия Павловича, а с другой стороны, великие князья выступили в защиту своего социального статуса; 3-й период (1 января – 2 марта 1917 г.) – период отчаяния, в течение которого, с одной стороны, великие князья пытались реализовать свои политические амбиции, а с другой стороны, продемонстрировали неготовность к политическим действиям и несостоятельность в качестве политических лидеров в дни Февральской революции 1917 г.

В советской историографии уже были предприняты попытки (Е.Д. Черменским, В.Я. Лаверычевым, А.Г. Слонимским, В.И. Старцевым, А.Я. Аврехом, В.С. Дякиным; анализ работ см. в части I, главе 1) представить действия великих князей накануне Февральской революции как согласованные с действиями думской оппозиции.

Став посредниками между императором и оппозиционными силами, великие князья были вынуждены солидаризироваться в своих требованиях с оппозиционными бюрократическими, военными и думскими кругами, тем самым, способствуя углублению предреволюционного кризиса.

В данной работе прослежены все контакты великих князей с оппозиционными кругами. Установлено, что в своих требованиях великокняжеская оппозиция смыкалась с требованиями части высшей политико-административной элиты, военных (М.В. Алексеев, А.А. Брусилов), гражданских (кн. В.М. Волконский, П.М. Кауфман, гр. П.Н. Игнатьев), а также церковных кругов (Г. Шавельский). На формирование требований оказывали влияние лидеры думской оппозиции (В.А. Маклаков, В.М. Пуришкевич, М.В. Родзянко) и общественные деятели (кн. Г.Е. Львов).

В исследовании доказывается, что идея великокняжеской оппозиции как коллективного выступления сформировалась под влиянием бюрократических и думских кругов 8 ноября 1916 г. Ввиду отказа великого князя Николая Михайловича возглавить этот протест, данная идея была реализована великим князем Павлом Александровичем 3 декабря 1916 г.

Анализ коллективного прошения великих князей от 29 декабря 1916 г. приводит к мысли, что целью прошения являлось не столько смягчение участи великого князя Дмитрия Павловича, сколько утверждение о невозможности ссылки кого-либо из великих князей. Это, по сути, было последней попыткой сохранения статуса великих князей в правящей элите России.

В ходе работы установлен один из редакторов писем политического содержания императору Николаю II в январе – феврале 1917 г., подписанных чиновником А.А. Клоповым и редактируемых великим князем Михаилом Александровичем. Им был князь Г.Е. Львов.

Данная работа является комплексным исследованием политической роли великокняжеской оппозиции.

Часть I. Великие князья: от опоры монархии к оппозиции самодержавию

Глава 1. Источники и историография по проблеме великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг.

При написании данной работы были использованы различные **источники**, среди которых документы нескольких фондов РГИА. Это документы из фонда 516: Журнал пребывания Николая II в действующей армии¹, камер-фурьерский журнал императора Николая II², а также камер-фурьерский журнал императрицы Марии Федоровны в Киеве³. Названные архивные источники позволяют проследить и уточнить местонахождение царствующих особ, а также пребывание интересующих нас лиц в том или ином месте в исследуемый промежуток времени.

Из числа документов, хранящихся в личных фондах РГИА, использованы записная книжка и дневник барона Н.А. Врангеля⁴, являвшегося адъютантом великого князя Михаила Александровича. Они содержат важную информацию о взаимоотношениях великого князя с императором и позволяют проследить картину событий, связанных с ноябрьским «штурмом власти» 1916 г.

В числе других документов, использованных в работе, неопубликованные письма чиновника А.А. Клопова⁵ императорской чете за 1916 г. На письмах есть пометки великого князя Николая Михайловича.

Авторами использованы и опубликованные документы. К ним следует отнести стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства⁶. Наиболее полезными для исследования оказались показания А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, С.П. Белецкого и А.А. Поливанова.

Из периодических изданий при написании работы использовались материалы киевской газеты «Киевская мысль»⁷ за сентябрь – октябрь 1916 г., московской газеты «Русское слово»⁸ и петроградских газет: «Биржевые ведомости»⁹ за март 1917 г. и «Речь»¹⁰ за сентябрь – октябрь 1916 г.

К наиболее достоверным опубликованным источникам следует отнести переписку императора Николая II с великими князьями¹¹, в частности, письма великих князей Николая Николаевича, Дмитрия Павловича, Павла Александровича, Николая Михайловича, Александра Михайловича, Георгия Михайловича, а также великой княгини Милицы Николаевны к императору Николаю II. Многие из этих посланий неоднократно использовались исследователями, однако некоторым из них не уделялось должного внимания.

¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1, дополнит. Д. 20. Январь – декабрь 1916 г.

² РГИА. Ф. 516. Оп. 1, дополнит. Д. 21. Сентябрь – декабрь 1916 г.

³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1, 241 (2870, д. 1).

⁴ РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 53, 54, 55.

⁵ РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14.

⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 тт. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927.

⁷ Киевская мысль. Киев. 1916. Октябрь.

⁸ Русское слово. М. 1917. Март.

⁹ Биржевые ведомости. Пг. 1917. Март.

¹⁰ Речь. Пг. 1916. Сентябрь – октябрь.

¹¹ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю / Под ред. В.П. Семенникова. М., 1925.

«Переписка Николая и Александры Романовых»¹² также достаточно часто используемый источник, содержащий большое количество как фактического материала, так и оценочных суждений последней императорской четы.

Источником, до сих пор не использованным в полной мере, являются письма великого князя Николая Михайловича к его другу, французскому историку Ф. Массону. Письма были опубликованы в Париже в 1968 г.¹³ Авторами осуществлен перевод писем 41–50, охватывающих период с 20 ноября (3 декабря) 1916 г. по 14 (27) апреля 1917 г., в которых идет речь о визите великого князя Николая Михайловича к Николаю II 1 ноября 1916 г., об обстоятельствах, связанных с убийством Г.Е. Распутина, и подробностях ссылки великого князя в его имение Грушевку. Данные письма можно рассматривать и как самостоятельный исторический источник – настолько они объемны и информативны, – и как существенное дополнение к запискам великого князя Николая Михайловича, о которых речь пойдет далее.

В 1990-х гг. на страницах исторических журналов были опубликованы архивные документы из личных фондов императора Николая II и великих князей. Нередко эти публикации сопровождалась небольшой вступительной статьей и комментариями. В данной работе осуществлена попытка детального рассмотрения таких источников, их анализа и включения в цепь событий для составления более детальной и полной картины взаимоотношений Николая II и великих князей.

Так, переписка кн. В.Н. Орлова с А.В. Кривошеиным, И.Л. Горемыкиным и великим князем Николаем Николаевичем позволяет проследить наметившееся согласование кадровой политики самодержавия с Думой. Результатом этого явилось удаление в отставку Н.А. Маклакова, В.А. Сухомлинова, И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера. К этой акции был причастен и великий князь Николай Николаевич¹⁴.

Заслуживают внимания письма чиновника А.А. Клопова царской семье в 1916–1917 гг.¹⁵ Они интересны тем, что редактировались великим князем Михаилом Александровичем.

В книге «Российский императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии»¹⁶ привлекают внимание послания великого князя Николая Михайловича А.А. Клопову от 7 апреля 1916 г. и 31 января 1917 г., великого князя Александра Михайловича великому князю Николаю Михайловичу от 12 января, 3 февраля и 14 февраля 1917 г., письмо Николая Михайловича Николаю II от 11 января 1917 г., письмо вдовствующей императрицы Марии Федоровны великому князю Николаю Михайловичу от 12 января 1917 г. Некоторые из этих посланий опубликованы также в сборнике «Николай и Александра. Любовь и жизнь»¹⁷. В нем представлены и другие материалы из фондов ГАРФа.

Важным источником являются письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне¹⁸, а также письма великой княгини Елизаветы Федоровны императорской чете¹⁹.

¹² Переписка Николая и Александры Романовых: 1914–1917 гг.: В 5 тт. М.; Л., 1923–1925.

¹³ Grand Duc Nicolas Mikhaïlovitch: La fin du tsarisme: Lettres inédites à Frédéric Masson. (1914–1918). Paris, 1968.

¹⁴ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 148–180.

¹⁵ Письма чиновника А.А. Клопова царской семье // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 204–222.

¹⁶ Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И. Российский императорский Дом: Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.

¹⁷ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998.

¹⁸ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне. // Источник. 1998. № 4. С. 3–24.

¹⁹ Письма из прошлого // Источник. 1994. № 4. С. 31–38.

Представляет интерес переписка княгини З.Н. Юсуповой с сыном Ф.Ф. Юсуповым и с А.Н. Родзянко, супругой председателя Государственной думы²⁰, которые были опубликованы еще в 1920-х гг.

Из дневников государственных деятелей, использованных при написании данной работы, следует выделить дневник императора Николая II²¹. Несмотря на то, что император вел его как частное лицо, не уделяя должного внимания политическим событиям, все же в дневнике содержатся сведения, значимые для настоящего исследования, позволяющие судить о встречах императора и темах его бесед. Таким образом, дневник, дополненный камер-фурьерским журналом, достаточно подробно отражает деятельность Николая II. В числе последних заметных публикаций нашего времени необходимо отметить дневник вдовствующей императрицы Марии Федоровны²².

В 1925 г. был опубликован дневник великого князя Андрея Владимировича, в котором содержатся записи, относящиеся к 1915 г. и отражающие реакцию великокняжеской среды на смещение великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего²³. Отрывки из дневника Андрея Владимировича за 1916 г. были опубликованы в 1928 г. в журнале «Красный архив»²⁴. В этих записях идет речь об убийстве Г.Е. Распутина и реакции великих князей на это событие. В настоящее время вышел в свет более полный вариант дневника Андрея Владимировича из его личного фонда в ГАРФе²⁵.

В 1931 г. в журнале «Красный архив» были опубликованы «Записки Николая Михайловича Романова»²⁶. В них Николай Михайлович резко критикует общее состояние дел в России: положение на фронте в 1914 г., неподготовленность к войне, бездарность генералитета во главе с великим князем Николаем Николаевичем, слабость и нерешительность Николая II. Особое место в «Записках» заняло описание царского окружения и история убийства Г.Е. Распутина. Данная публикация основана на «поденных записях» великого князя Николая Михайловича, которые он вел на протяжении всей своей жизни и фрагменты которых частично опубликованы. Анонимный публикатор «Записок» отметил, что они были написаны в разное время и подвергались более поздней обработке, о чем свидетельствуют некоторые характеристики или замечания в тексте, относящиеся к более позднему времени. Однако в сопоставлении с эпистолярным наследием великого князя данные записки используются в работе.

Своеобразен как источник дневник А.В. Богданович²⁷. Будучи представительницей высшего света Петербурга, А.В. Богданович много и часто принимала гостей у себя в квартире на Исаакиевской площади. Поэтому дневниковые записи часто начинались со слов: «говорил», «передавали», «рассказывали». Автор чаще передавала то, что слышала от других, и то, что говорили в высшем свете. Но этот недостаток дневника для нашего исследования становится определенным достоинством, так как во многом позволяет проследить атмосферу сплетен, слухов, разговоров, царившую в этих кругах.

Значимым для данного исследования является дневник ближайшего сотрудника М.В. Родзянко Я.В. Глинки. В сопоставлении с другими источниками он позволяет восстановить взаимоотношения председателя Государственной думы и великого князя Михаила Александровича в январе – феврале 1917 г., а также проследить политическую переориентацию вели-

²⁰ К истории последних дней царского режима (1916–1917 гг.) // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 227–249.

²¹ Дневники императора Николая II. М., 1991.

²² Дневники императрицы Марии Федоровны. М., 2005.

²³ Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. М.; Л., 1925.

²⁴ Из дневника А.В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 185–310.

²⁵ «Позорное время мы переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова // Родина. 1998. № 3. С. 31–36.

²⁶ Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 4–5(47–48). С. 140–183; Т. 6 (49). С. 92–111.

²⁷ Богданович А.В. Дневник. Три последних самодержца. М.; Пг., 1924.

ких князей в этот период с М.В. Родзянко на князя Г.Е. Львова.²⁸ Ценными явились и комментарии к этому дневнику Б.М. Витенберга, особенно относительно записки Николаю II, находящейся в бумагах А.А. Клопова, но составленной Я.В. Глинкой, а позднее 26 октября 1916 г. отредактированной великим князем Николаем Михайловичем²⁹.

В работе использовался дневник В.М. Пуришкевича «Как я убил Распутина»³⁰, где автор излагает свою версию о степени участия великого князя Дмитрия Павловича в убийстве Г.Е. Распутина.

Мемуарную литературу можно с определенной долей условности разделить на несколько групп. К первой группе следует отнести воспоминания великих князей и видных государственных деятелей. Нередко они охватывают весь период царствования последнего императора. К ним относятся воспоминания великого князя Александра Михайловича³¹, великого князя Кирилла Владимировича «Моя жизнь на службе России»³². В настоящее время последние дополнены новым изданием с приложением биографического очерка о супруге великого князя великой княгине Виктории Федоровне³³. К подобного рода литературе также относятся воспоминания великой княгини Ольги Александровны (сестры императора Николая II), записанные с ее слов канадским журналистом Я. Ворресом³⁴, и Марии Павловны (младшей)³⁵. Хотя великая княгиня была далека от придворного окружения, с 1915 г. постоянно жила и работала в госпитале в Пскове, все же она оставила воспоминания о кратких визитах в Царское Село и Петроград 1915–1917 гг.

Несомненно, значимыми для анализа деятельности великих князей являются воспоминания С.Ю. Витте³⁶. В воспоминаниях генерала П.Г. Курлова, который занимал различные государственные посты, имеются сведения о деятельности великих князей Николая Николаевича и Сергея Михайловича³⁷. В записках А.А. Мосолова³⁸, начальника канцелярии министра двора, описывается близкое окружение последнего императора. От его порой субъективного взгляда не укрылись и взаимоотношения царя с наиболее близкими родственниками – великими князьями. В воспоминаниях дворцового коменданта В.Н. Воейкова³⁹ нашли отражение события последних пяти лет царствования Николая II.

Особенно близкая к императорской чете фрейлина А.А. Вырубова тоже оставила свои записки. В первую очередь к ним относятся «Страницы из моей жизни»⁴⁰, а также «Неопубликованные воспоминания»⁴¹, которые впервые были изданы в 1978 г. в Нью-Йорке в «Новом журнале», а позднее в сборнике «Николай II. Воспоминания. Дневники»⁴².

²⁸ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917: Дневники и воспоминания. М., 2001.

²⁹ РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 19–24.

³⁰ Пуришкевич В.М. Дневник. «Как я убил Распутина». М., 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1924 г.)

³¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1934 (переизд. М., 1991).

³² Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

³³ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. С приложением биографического очерка о великой княгине Виктории Федоровне. М., 2006.

³⁴ Мемуары великой княгини Ольги Александровны. Запись Я. Ворреса. М., 2004.

³⁵ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. Книга I: В России. Книга II: В изгнании. М., 2004.

³⁶ Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 тт. М., 1994.

³⁷ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991.

³⁸ Мосолов А.А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.

³⁹ Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

⁴⁰ Вырубова-Танеева А.А. Страницы моей жизни. Париж, 1923.

⁴¹ Вырубова-Танеева А.А. Неопубликованные воспоминания // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. № 130. С. 102–149; № 131. С. 145–195.

⁴² Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Мемуары думских деятелей П.Н. Милюкова⁴³ и В.В. Шульгина⁴⁴ предоставляют возможность восстановить тревожную атмосферу политического кризиса в Петрограде осенью 1916 г., что позволяет более полно представить картину деятельности великих князей.

Воспоминания председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁵ более тенденциозны, чем других политических деятелей. Это необходимо иметь в виду не только потому, что он иногда вносит путаницу в некоторые числа и даты, о чем речь пойдет ниже. Его мемуары существовали в двух редакциях. Первый раз записки М.В. Родзянко появились в Ростове-на-Дону во время Гражданской войны. Политическая ситуация была такова, что М.В. Родзянко, пытаясь доказать, что Государственная дума не была причастна к совершившейся революции, более того, тактика председателя Государственной думы была направлена на то, чтобы избежать революции. Новый вариант записок М.В. Родзянко появился уже после его смерти. В них политическая тенденция как раз обратная той, какую излагал М.В. Родзянко в первом тексте. Теперь автор пытался представить себя и Думу почти организаторами революции.

Воспоминания французского посла в России М. Палеолога⁴⁶ написаны в форме дневника, но в них присутствуют грубые ошибки и даже некоторый вымысел. Те же черты, хотя и в меньшей степени, характерны для воспоминаний английского посла Дж. Бьюкенена⁴⁷.

Вообще вся мемуарная литература, которую можно отнести к данной теме, имеет тенденциозный оттенок. Это связано с тем, что мемуары были опубликованы после революции, некоторые из них – спустя десятки лет. Их авторы, будучи в эмиграции, были лишены возможности обращаться к документам и материалам, которые остались на родине, и, таким образом, им приходилось по памяти восстанавливать цепь событий. При этом необходимо учитывать и субъективную оценку авторов.

Следующую группу источников составляют воспоминания с описанием событий в военной среде, но содержавшие также сведения о великих князьях. Несмотря на то что в мемуарах военных деятелей описываются преимущественно боевые действия, в них имеется хотя и отрывочный, но ценный материал по великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг. Так, заслуживают особого внимания воспоминания генерала Н.А. Епанчина⁴⁸, впервые опубликованные лишь в 1996 г., и воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского⁴⁹. Как генерал, так и священник подробно описывают обстановку в Ставке Верховного главнокомандования, где происходили многие события, тесно связанные с великокняжеской оппозицией. Кроме того, Г. Шавельский был лично знаком с великим князем Николаем Николаевичем.

Несколько раз издавались воспоминания генерала Ю.Н. Данилова. В «Архиве русской революции» были помещены в 1928 г. его краткие записки об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче⁵⁰. Им же написанные «Очерки из последнего периода русской монархии» первоначально были изданы в Ганновере в 1928 г., а затем в Бремене в 1929 г. на немецком языке. Впервые на русском языке отрывки из «Очерков» были опубликованы в «Военно-историческом журнале»⁵¹. Для темы нашего исследования важны эпизоды, связанные с личностью великого князя Николая Николаевича. Ю.Н. Данилов явился также автором книги

⁴³ Милюков П.Н. Воспоминания: 1859–1917. В 2 тт. М., 1990.

⁴⁴ Шульгин В.В. Дни. М., 1990.

⁴⁵ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.

⁴⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. (переизд. М., 1991).

⁴⁷ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. М., 1991.

⁴⁸ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

⁴⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2 тт. Нью-Йорк, 1954.

⁵⁰ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. XIX. Берлин, 1928.

⁵¹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 80–84; № 10. С. 66–84.

о великом князе Николае Николаевиче⁵². Однако, данную работу нельзя считать объективной, так как она написана в льстивом тоне по отношению к великому князю.

В воспоминаниях генерала А.А. Брусилова⁵³, командовавшего в 1916 г. Юго-Западным фронтом, содержатся сведения о великом князе Николае Николаевиче, его смещении с поста Верховного главнокомандующего. Также имеется упоминание о разговоре между генералом и великим князем Георгием Михайловичем, который состоялся в октябре 1916 г. и имел в дальнейшем политические последствия.

В воспоминаниях генерала А.А. Игнатьева⁵⁴ описывается жизнь великосветского общества, салон графини Клейнмихель, а также знаменитый яхт-клуб, в котором царила оппозиционная атмосфера и частым посетителем которого был великий князь Николай Михайлович. К подобным мемуарам следует отнести воспоминания А.И. Верховского⁵⁵, где содержатся сведения об убийстве Г.Е. Распутина.

А.И. Деникин в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты»⁵⁶ упоминает об обращении к государю с предостережениями о грозящей опасности великих князей Николая Михайловича, Александра Михайловича, вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Отрывочные сведения о деятельности великих князей в 1915–1917 гг. содержатся в воспоминаниях генерала барона П.Н. Врангеля⁵⁷ и военных министров В.А. Сухомлинова⁵⁸ и А.А. Поливанова⁵⁹.

Отдельную группу мемуарных источников составляют воспоминания, посвященные каким-либо событиям, связанным с действиями великокняжеской оппозиции. В первую очередь это мемуары князя Ф. Ф. Юсупова⁶⁰, члена Государственной думы В.А. Маклакова⁶¹, княгини О. Палей (супруги великого князя Павла Александровича)⁶², затрагивающие историю убийства Г.Е. Распутина. В воспоминаниях княгини О. Палей также идет речь о визите великого князя Павла Александровича к императорской чете в начале декабря 1916 г., имеющем важное значение для нашего исследования. В настоящее время в России опубликован наиболее полный вариант этих воспоминаний⁶³.

Большую ценность для данной работы представляют воспоминания А.И. Гучкова, хранящиеся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, написанные в форме интервью⁶⁴.

Отдельные аспекты деятельности великого князя Кирилла Владимировича в дни Февральской революции освещают находящиеся в архиве Гуверовского института мемуары в форме дневника последнего царского градоначальника Петрограда генерал-майора А.П. Балка⁶⁵, который сообщает о разговоре с великим князем в решающие дни Февраля. Данную

⁵² Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

⁵³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

⁵⁴ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2 тт. М., 1989.

⁵⁵ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.

⁵⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 тт. М., 1991. Т. 1. Крушение власти в армии. Февраль – сентябрь 1917 г.

⁵⁷ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля: Материалы, собр. и разраб. бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светл. князем А.П. Ливеном / Под ред. А.А. фон Лампе. Франкфурт-на-Майне, 1969.

⁵⁸ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.

⁵⁹ Поливанов А.А. Мемуары. М., 1924.

⁶⁰ Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Париж, 1927.

⁶¹ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. Т. 34. Париж, 1928.

⁶² Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1925. С. 338–345.

⁶³ Палей О. Воспоминания о России. С приложением писем, дневников и стихов ее сына Владимира. Пер с фр. М., 2005.

⁶⁴ А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.

⁶⁵ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка. // Русское прошлое. 1991.

тому дополняют хранящиеся в Российской национальной библиотеке воспоминания полковника Б.А. Энгельгардта⁶⁶, очевидца прибытия Гвардейского экипажа под командованием великого князя Кирилла Владимировича к Таврическому дворцу 1 марта 1917 г., дополненные в настоящее время опубликованными мемуарами полковника⁶⁷.

Комплексное рассмотрение известных и неоднократно использовавшихся в литературе источников наряду с введенными в научный оборот с 1990-х гг. новыми источниками, позволили авторам создать более полную и достоверную картину предреволюционных событий и по-новому проанализировать деятельность великих князей в этот период.

Проблема взаимоотношений Николая II и великих князей накануне Февральской революции рассматривалась в **историографии** в рамках политической истории, на ее изучение наложили свой отпечаток веяния времени. В настоящее время можно выделить четыре основных этапа исследований.

Первый этап начался сразу после Февральской революции и закончился в 1935 г., второй длился с 1935 г. по 1967 г., третий – с 1967 г. до конца 80-х гг., и последний – с начала 90-х гг. по сегодняшний день. Для каждого периода свойственен определенный подход историков к интересующей нас теме.

Литература, вышедшая в свет начиная с Февральской революции и до 1935 г. (первый этап), отличалась ярко выраженным обличительным характером, наукообразностью и резко негативной оценкой по отношению к последним Романовым. После Октябрьской революции советская историография основное внимание сконцентрировала на истории революционного движения. Вместе с тем истории правящих верхов уделялось значительное внимание исследователей.

Тот факт, что между царем, буржуазией и дворянством накануне Февральской революции назрел конфликт, ни у кого из историков на протяжении всего исследуемого периода не вызывал сомнений. Споры вызывал лишь вопрос, в какой форме и в какой степени в данный конфликт были вовлечены великие князья. Разброс мнений при этом был огромен: от оценки выступлений великих князей как робких и осторожных попыток воздействия на Николая II до признания их прямого участия в заговоре, целью которого являлось свержение императора с престола.

Первые исторические работы начала 20-х гг. лишь в общей форме затрагивали эту проблему. А.А. Блок, П.Н. Милюков, С. Петропавловский, И.В. Вардин, Д.Я. Кин⁶⁸ были склонны отмечать умеренную оппозицию великих князей по отношению к последнему царю. В эти годы данную оппозицию часто именовали «великокняжеской фрондой». «Затворники Царского Села... были отделены от мира пропастью, которая по вине Распутина то сужалась, открывая доступ избранным влияниям, то расширялась, становясь совершенно непроходимой даже для родственников царя, отодвинутых тем же Распутиным на второй план, часть их перешла в оппозицию», – писал А.А. Блок⁶⁹. Д.Я. Кин оценивал выступление великокняжеской оппозиции как свидетельство того, насколько «далеко зашли разложение и противоречия в среде господствующих классов»⁷⁰.

Кн.1. С. 7–72.

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 1052. Б.А. Энгельгардт. Д. 23.

⁶⁷ Энгельгардт Б.А. Мемуары // Балтийский архив. 2004. VIII.

⁶⁸ Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921; Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. София, 1921; Петропавловский С. Дворянство, бюрократия и монархия перед февральской революцией // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 8–26; Вардин И.В. Либерализм, царизм, революция // Красная новь. 1923. № 2. С. 263–291.; Кин Д.Я. Война и февральская революция. Л., 1924.

⁶⁹ Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 10.

⁷⁰ Кин Д.Я. Война и февральская революция. С. 40.

Ситуация изменилась в 1924 г., когда советский историк М.Н. Покровский выдвинул теорию «двух заговоров»⁷¹. Полагая, что вся русская история XIX – начала XX в. протекала на фоне борьбы двух капиталов – торгового и промышленного, он предложил схему «двух заговоров» накануне Февральской революции. С одной стороны, по его мнению, это был заговор царизма («торгового капитала»), который решил разогнать Думу и заключить сепаратный мир. С другой стороны, имел место заговор «промышленного капитала» в лице Прогрессивного блока, объединявшего в своих рядах буржуазных лидеров, высший генералитет и великокняжескую оппозицию, который должен был провозгласить царем маленького Алексея, а регентом великого князя Михаила Александровича⁷².

В предисловии к «Семейной переписке Романовых», опубликованной в «Красном архиве» М.Н. Покровский писал, что «уже ранее января династия была фактически обезглавлена, ибо ее фактическим главой был в эти последние месяцы, конечно, не Николай, а убитый 17 декабря ст. ст. “старец”. Убийство Г.Е. Распутина, по мнению М.Н. Покровского, «отнюдь не было взрывом негодования, как хотели его инсценировать Пуришкевич и Ке. Это был необходимый предварительный шаг к государственному перевороту... Убрав “божьего человека” можно было сэкономить два других убийства (Николая II и его жены)». Далее, говоря о великом князе Николае Николаевиче, М.Н. Покровский писал: «Николай “большой” вполне способен был возглавить переворот против Николая “маленького”, если бы к моменту созревания заговора он был на месте»⁷³.

Таким образом, схема «двух заговоров», а также выходящая в данный период многочисленная мемуарная литература, в которой часто упоминалось о подготовке к государственному перевороту в конце 1916 – начале 1917 г., оказали большое влияние на характер работ, появившихся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.

В интересующей нас литературе этих лет можно с определенной долей условности выделить три типа работ. Первую группу работ составила серия портретных зарисовок. Это работы И.М. Василевского, Н.Н. Евреинова, С.В. Любоша, В.А. Канторович⁷⁴. Все книги содержали немало биографических сведений, но не касались широких социальных и политических вопросов и чрезмерно подчеркивали такие черты, как дегенеративность и безответственность Николая II, Александры и их окружения. Так, С.В. Любош замечал о великих князьях: «Царские братья, дядья и племянники получили весьма видные ответственные назначения, но именно ответственности они по своему положению царской родни не подлежали»⁷⁵. Фельетонист И.М. Василевский, автор книги «Николай II», написал не историческое исследование, а всего лишь психологический этюд, созданный в привычных для него фельетонных тонах. Однако автору удалось собрать немало фактов и бытовых штрихов, дающих материал для суждения о последнем русском самодержце и тех, кто его окружал. В книге «Тайна Распутина» Н.Н. Евреинов рассматривал взаимоотношения Романовых через призму их отношения к Г.Е. Распутину и на основе этого делал выводы. Он писал, что многие великие князья старались развенчать «старца» в глазах своего упрямого родственника, но безуспешно. Даже попытки такого популярного великого князя, каким был Николай Николаевич, ни к чему не привели, более того, он поплатился и за это, и за свою популярность тем, что был смещен с поста Верховного главнокомандующего. Рассматривается в книге и попытка великого князя Николая Михайловича повлиять на своего царствующего родственника. Он прочел Николаю II «письмо, в котором обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры

⁷¹ Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924.

⁷² Там же. С. 189–201.

⁷³ Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1923. № 4. С. 157–158.

⁷⁴ Василевский И.М. (Не-Буква) Николай II. Пг., 1923; Евреинов Н.Н. Тайна Распутина. Л., 1924; Любош С.В. Последние Романовы. М.-Л., 1924; Канторович В.А. Александра Федоровна (опыт характеристики). Л., 1927.

⁷⁵ Любош С.В. Последние Романовы. С. 250.

Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а Российской империи катастрофа»⁷⁶. В.А. Канторович отмечал в своей работе, что «в последние годы распутинского влияния недовольство родственников царя приняло открытый характер, пока не грянули выстрелы в особняке Юсупова. Во всех углах царскосельского дворца плелась тогда интрига. А князя даже замыслили что-то вроде бойкота царя, чтобы таким способом подчеркнуть протест против ссылки Дмитрия Павловича»⁷⁷.

Авторы данных работ находились под влиянием методологии М.Н. Покровского. Тем не менее они не приписывали великим князьям участия в заговоре против Николая II. Иного мнения держались историки и публицисты, работы которых можно условно отнести ко второму типу.

Их работы – научно-популярные очерки или статьи, часто приуроченные к очередной годовщине Февральской революции⁷⁸, в которых говорилось об активном участии великих князей в заговоре с целью совершения дворцового переворота. Так, Е. Фокин в своей работе «Февраль 1917 г.» писал: «Как убийство Распутина, так и зародившийся в головах наиболее “решительной” части буржуазии, помещиков, финансово-промышленной буржуазии, великокняжеской клики и недовольного генералитета план дворцового переворота является лишь выражением животного страха всех этих групп перед революцией, попыткой предотвращения революции снизу “революцией сверху”»⁷⁹.

Такие авторы, как Д. Эрде, рассматривали устранение «старца» в качестве определенного этапа в запланированных заговорщиками действиях. «Убийство Распутина должно было явиться началом решительных действий против Николая II, если бы последний и после устранения “злого гения” монархии, после убийства Распутина, вздумал продолжать его политику», – писал вышеупомянутый историк⁸⁰. Причем речь шла не об устранении монархии, а лишь о замене одного монарха другим, более удобным для тех, кто задумывал переворот.

Третью группу работ представляют более значительные по объему и серьезные по содержанию исторические исследования. К ним в первую очередь следует отнести работы В.П. Семенникова, активного сторонника тезиса о «заговоре царизма», имевшем целью заключение сепаратного мира. Этому были посвящены его работы «Политика Романовых накануне революции» и «Романовы и германские влияния»⁸¹, в которых автор уделял внимание и проблеме взаимоотношения Николая II с великими князьями. В.П. Семенников не исключал и возможности государственного переворота в России: «Если бы великий князь Николай в свое время не был убран на Кавказ (речь идет о смещении великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и назначении его на должность командующего Кавказским фронтом и заместником Кавказа. – *Е.П., К.Б.*), то сам ход умирания монархии мог бы быть несколько иным: не исключена была возможность еще той промежуточной стадии, при которой на короткое время воссел бы на престол этот “любимый вождь” империалистической буржуазии»⁸².

⁷⁶ Евреинов Н.Н. Тайна Распутина. С. 10.

⁷⁷ Канторович В.А. Александра Федоровна (опыт характеристики). С. 52.

⁷⁸ Пионтковский С. Февральские дни 1917 г. Популярный очерк. Л., 1925; Гайсинский М.Г. Февральская революция 1917–1927 г. М.-Л., 1927; Эрде Д. Февраль как пролог октября. Харьков, 1931; Фокин Е. Февраль 1917 г. М., 1932; Яковлев Я. Февральские дни // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 61–112; Кретов Ф. Февральская революция // Новый мир. 1932. № 2. С. 150–160.

⁷⁹ Фокин Е. Февраль 1917 г. С. 11.

⁸⁰ Эрде Д. Февраль как пролог Октября. С. 62.

⁸¹ Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. М.-Л., 1926; Семенников В.П. Романовы и германские влияния. М.-Л., 1929.

⁸² Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. С. 73.

Под редакцией и с предисловием В.П. Семенникова был издан сборник «Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю»⁸³. Из всех великих князей относительно резкую оппозицию царю и царице, по мнению историка, составляли «Николаевичи» и «Михайловичи». «Николаевичи связывали свои политические расчеты с кандидатурой в цари самого Н.Н. Романова»⁸⁴, – пишет В.П. Семенников, отмечая невероятную популярность великого князя Николая Николаевича, особенно в армии. Однако историк указывает и на то, что популярность эта была отчасти искусственно подготовлена великой княгиней Милицей Николаевной, женой его брата Петра Николаевича, путем выпуска книг, лубков, портретов и календарей с изображением великого князя Николая Николаевича. У нее были на это свои основания, так как если бы Николай Николаевич стал императором, то наследником его явился бы сын Милицы – Роман (великий князь Николай Николаевич был бездетен). Ради этого и действовала великая княгиня Милица Николаевна.

«Представители романовской линии “Михайловичей” занимались преимущественно различными политическими интригами и связанными с ними финансовыми аферами, удобоисполняемость которых была вполне обеспечена благодаря тому, что один из “Михайловичей” – Александр – был женат на сестре Николая II – Ксении. Поэтому, не рассчитывая выдвинуть из своей среды “кандидата на престол”, “Михайловичи” в своих интересах с особым усердием поддерживали существующий династический порядок», – отмечает В.П. Семенников⁸⁵. Правда, это не помешало некоторым из них, а именно великим князьям Николаю Михайловичу, Александру Михайловичу, Георгию Михайловичу, пытаться убедить царя в неправильности его политики посредством писем или устных бесед. Однако эти попытки не увенчались успехом. В основе оппозиции великих князей, по мнению автора, лежал страх за свою жизнь и за будущее. «В то время когда писались все эти письма, великокняжеская клика уже сознавала, что стоит на краю гибели. Великие князья делали попытки бороться за спасение себя и монархии. Убийство Дмитрием Павловичем Романовым Распутина должно было, казалось, спасти весь строй. Но спасения, конечно, не последовало. Предчувствие скорой гибели и заставило великих князей заговорить о реформах»⁸⁶.

Несомненной заслугой В.П. Семенникова является комплексное рассмотрение и публикация источников, связанных с великими князьями, на основе которых он сделал вывод о наличии разных великокняжеских группировок и причинах их оппозиционности.

Другой интересующей нас работой, является книга С.Д. Мстиславского «Гибель царизма»⁸⁷. В этом труде автор предпринял попытку объединения некоторых великих князей с теми слоями общества, для которых восшествие на престол этих лиц (при удачном стечении обстоятельств, будь то отречение или убийство Николая II) было бы желательно. С.Д. Мстиславский выделяет две личности – великих князей Николая Николаевича и Михаила Александровича.

Великий князь Николай Николаевич был в «августейшей семье носителем династического начала. Сам его внешний вид говорил только в его пользу. Великий князь имел и “духовно” огромные преимущества перед Николаем II, он мог находить общий язык с офицерами, в отличие от царя. Назначение его в империалистическую войну Верховным главнокомандующим, его фронтовые и в особенности прифронтовые “гражданские” меры, в которых сказалась его жесткая и уверенная рука, высоко подняли его авторитет. Можно было даже ожидать, что если бы он бросил свое имя против имени императора, “старая Россия” стала

⁸³ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю.

⁸⁴ Семенников В.П. «Плюгавая семейка» // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. С. 16.

⁸⁵ Там же. С. 17.

⁸⁶ Там же. С. 20.

⁸⁷ Мстиславский (Масловский) С.Д. Гибель царизма. Л., 1927.

бы за него. Но Николай Николаевич мог выйти к престолу только на путях катастрофы... Прямого, законного пути к власти у него не было. Напротив того, Михаил Александрович являлся фактически естественным наследником занятого Николаем престола, учитывая, что цесаревич Алексей был явно не жилец, акт о престолонаследии предрешал царствование Михаила рано или поздно, если ему не пересечет дороги какая-либо “третья сила”. Михаил сумел оценить нарастающую силу буржуазии, шедшей на смену дворянству. В кругах буржуазии о нем говорили вполне недвусмысленно как о наиболее желательном кандидате на престол, поскольку он являлся “искренним и убежденным конституционалистом”⁸⁸. Однако, с нашей точки зрения, такие выводы не были в достаточной степени доказаны историком.

Наиболее значительными из работ данного периода являются книги Б.Б. Граве «К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны» и Э.Б. Генкиной «Февральский переворот. Очерки по истории Октябрьской революции»⁸⁹. В своей работе Б.Б. Граве пишет о том, что «буржуазия пришла к необходимости совершения дворцового переворота, который должен был завершить ее экономическое господство путем овладения политической властью. Для этого она устанавливает связь с армией в лице высшего командного состава и членами царской семьи. Наиболее подходящим кандидатом для буржуазной великокняжеской фронды на случай дворцового переворота выступает великий князь Николай Николаевич»⁹⁰.

Убийство Г.Е. Распутина автор склонен рассматривать как начало несостоявшегося переворота: «Несомненно, что даже если великие князья – убийцы Распутина и не находились в организационной связи со всеми членами великокняжеской семьи и с буржуазными организациями, то тем не менее они осуществляли их общую волю». Однако убийство Г.Е. Распутина совершилось, а дворцового переворота не произошло. Автор объясняет это отсутствием подходящей фигуры из царской семьи (Николай Николаевич был в это время на Кавказе)⁹¹.

Автор книги «Очерки по истории Октябрьской революции» Э.Б. Генкина выделяет два заговора, существовавших в то время: «Один исходил от руководителей думского Прогрессивного блока и наиболее активных верхов буржуазии. Параллельно этому заговору существовал другой, связанный с монархическими и великокняжескими кругами, которым принадлежала инициатива убийства Г.Е. Распутина. Возможно, что между этими двумя заговорами существовала известная связь, но во всяком случае смешивать их не следует»⁹².

С.А. Пионтковский разделял точку зрения Э.Б. Генкиной. В своем труде «Очерки истории СССР XIX–XX вв.»⁹³ он писал: «Враждебными царю становились и часть дворянства и великокняжеский род... В деятельности царя они видели опасность для сохранения дворянско-феодального господства. Великие князья видели распад аппарата самодержавия и развал экономической жизни России. Поэтому они в отдельных письмах и коллективных выступлениях указывали на необходимость ответственного министерства. Великие князья не только письмами старались образумить Николая II, – они пытались также убрать причину, по их мнению, всех зол, тяготевших над династией Романовых, и убили “друга” – Распутина»⁹⁴. Далее автор считает, что инициативу по подготовке и осуществлению дворцового переворота подхватила буржуазия. Мотивы, заставившие великих князей в одном случае и буржуазию в другом пойти на участие в заговоре против последнего царя, были схожи. «Подобно тому, как великие князья убили Распутина с целью спасти свое собственное положение, так и буржуазия думала

⁸⁸ Там же. С. 23–29.

⁸⁹ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926; Генкина Э.Б. Очерки по истории октябрьской революции. В 2-х тт. М.; Л., 1927.

⁹⁰ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. С. 370, 378.

⁹¹ Там же. С. 381–382.

⁹² Генкина Э.Б. Очерки по истории октябрьской революции. С. 27.

⁹³ Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX–XX вв. Харьков, 1928; М.; Л., 1935.

⁹⁴ Там же. С. 436–437.

о смещении Николая II не только с целью захвата власти в свои руки, но и для спасения от надвигающейся на нее рабоче-крестьянской революции»⁹⁵. В большинстве работ поддерживалась «схема двух заговоров».

Несмотря на все недостатки в перечисленных выше работах, в 1920–1930-х гг. был сделан значительный шаг в изучении интересующей нас темы. Но с середины 1930-х гг. это направление в исторических исследованиях было фактически свернуто, и на смену различным точкам зрения пришла единственная общеобязательная концепция. Важным этапом на пути выработки такой концепции было опубликование в 1935 г. первого тома «Истории гражданской войны в СССР», в состав главной редакции которой входил И.В. Сталин, а техническим редактором издания был И.И. Минц⁹⁶. В работе широко освещалось назревание революционного взрыва «снизу», в то время как кризис верхов обрисовывался крайне скупо. Кроме того, схема «двух заговоров» М.Н. Покровского была видоизменена, и теперь главной целью обоих заговоров было стремление подавить нарастающее революционное движение.

Авторы последующих работ⁹⁷ придерживались точки зрения, изложенной в «Истории гражданской войны в СССР», господствовавшей в исторической литературе до середины 1960-х гг. Причем они оперировали общими понятиями: буржуазия, дворянство, царизм, – часто не называя конкретных имен. О великих князьях упоминает лишь В.М. Веселов: «В подготовке дворцового переворота принимали участие лидеры кадетов, октябристов, прогрессистов, а также представители высшего командования (ген. Крымов, Гурко и др.). Участники заговора поставили перед собой цель убрать Николая II и на его место возвести Михаила Романова, который был ближе к буржуазным кругам»⁹⁸.

Определенный интерес представляет глава, авторами которой являлись Г.М. Деренковский и С.А. Залесский, в книге «История СССР» и статья И.М. Пушкаревой «Победа буржуазно-демократической революции в России»⁹⁹. Авторы первой работы дают следующую оценку убийства Г.Е. Распутина: «В конце 1916 г. группа заговорщиков (кн. Юсупов, в. кн. Дмитрий Павлович и Пуришкевич) убила Распутина, пытаясь приостановить дискредитацию династии и заставить царя внять голосу “общественного мнения”. Буржуазия надеялась, что царь образумится и изменит курс правительственной политики»¹⁰⁰. И.М. Пушкарева, используя архивные данные, указывала в своей статье, что «монархисты и черносотенцы мечтали составить “Совет императорского дома” из всех членов царской фамилии и таким путем возродить былую силу русской монархии. В ответ на это в либеральных кругах зреют планы дворцового переворота»¹⁰¹.

В данный период в эмиграции вышла работа С.П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту»¹⁰², в которой он на основе воспоминаний и интервью участников предреволюционных событий создает свою версию заговоров в 1916–1917 гг. Однако несмотря на массу

⁹⁵ Там же. С. 442.

⁹⁶ История гражданской войны в СССР. М., 1935.

⁹⁷ Панкратова А. Двадцатипятилетняя годовщина свержения самодержавия // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 15–20; Василенко К.С. Февральская революция в России в 1917 г. М., 1954; Сукач С.Л. Опыт построения лекции на тему: Февральская буржуазно-демократическая революция в России // Вестник высшей школы. 1955. № 2. С. 20–30; Веселов В.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Л., 1957; Воронкова С.В. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1961; Грунт А.Я. Фирстова В.Н. Россия в эпоху империализма, 1907–1917 гг. М., 1966.

⁹⁸ Веселов В.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Л., 1957. С. 25.

⁹⁹ История СССР. Т. 2, под ред. Сидорова А.Л... М., 1959; 2-ое изд. М., 1965; Пушкарева И.М. Победа буржуазно-демократической революции в России // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 20–35.

¹⁰⁰ История СССР. Т. 2. М., 1959. С. 610.

¹⁰¹ Пушкарева И.М. Победа буржуазно-демократической революции в России // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 22.

¹⁰² Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией). Париж, 1931.

впервые собранного научного материала, тенденциозность и неverifiedированность источников создала основу для многочисленных недоказанных допущений и исторических ошибок.

К середине 1960-х гг. долгое время существовавшая в советской историографической науке схема «двух заговоров» М.Н. Покровского, несколько видоизмененная И.И. Минцем в «Истории гражданской войны в СССР», была поставлена под сомнение многими историками, ибо накопленные к тому времени факты говорили против нее. Особая роль в критике данной теории принадлежит Е.Д. Черменскому¹⁰³. Поэтому с 1967 г. (год 50-летия Февральской революции) можно говорить о новом этапе изучения интересующей нас проблемы. В этот год было опубликовано сразу три монографии: Э.Н. Бурджалова «Вторая Русская революция», В.С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы I мировой войны», В.Я. Лаверычева «По ту сторону баррикад»¹⁰⁴. В том же году прошла научная конференция, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. И хотя данная конференция и появившиеся труды показали, что все большее число историков выступает с критикой традиционной схемы «заговоров», приверженцы этой схемы еще оставались. Так, И.И. Минц писал: «Буржуазные круги, стараясь предотвратить революцию, решили вступить на путь дворцового переворота: убрать Николая II, на его место поставить малолетнего наследника при регентстве великих князей. В регенты намечали великого князя Николая Николаевича, но большинство остановилось на Михаиле Александровиче. Поскольку великий князь считался дураком, а наследник был еще ребенком, буржуазия надеялась управлять сама»¹⁰⁵.

В.Я. Лаверычев в монографии ставит вопрос не о заговоре буржуазии как класса, а о непосредственном и активном участии в подготовке дворцового переворота группы московских промышленников и их связи с некоторыми великими князьями. Осуществленное великосветскими заговорщиками убийство Г.Е. Распутина готовилось с ведома и согласия представителей буржуазно-оппозиционных кругов. Лидеры оппозиции рассматривали убийство как последнее предостережение дворцовой клике. Однако ожидаемых изменений в политике не произошло. В связи с этим идея заговора против Николая II приобретает реальные очертания. Были разработаны планы, сроки, намечено регентство великого князя Михаила Александровича. Для переворота не требовалось соучастие или сочувствие всех членов правящей династии. Многие из них вполне определенно выражали свое недовольство деятельностью «темных сил», окружавших царя и царицу. Важно было заручиться согласием тех, кто имел авторитет, реальную силу и власть. Такими качествами обладал великий князь Николай Николаевич, командовавший в то время войсками Кавказского фронта. Поэтому, ссылаясь на эмигрантскую газету «Последние новости», автор пишет, что заговорщики заручились согласием на переворот Николая Николаевича¹⁰⁶.

Гораздо более сдержанную позицию в оценке целенаправленности и конкретности заговорщических настроений занимают Э.Н. Бурджалов, В.С. Дякин, Е.Д. Черменский, которые сообщают ряд фактов, не согласующихся с концепцией В.Я. Лаверычева и И.И. Минца. Э.Н. Бурджалов, в частности цитируя М.В. Челнокова, утверждает, что о перевороте никто серьезно не думал. Е.Д. Черменский отмечал переоценку В.Я. Лаверычевым военного «потенциала», на который могли рассчитывать «заговорщики». В.С. Дякин, опираясь на свидетельства, собранные С.П. Мельгуновым, сообщает, «что великий князь Николай Николаевич отверг план заго-

¹⁰³ Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Пособие для учителей. М., 1959; История СССР. Период империализма. Под ред. Е.Д. Черменского. М., 1959; 2-ое изд. М., 1965.

¹⁰⁴ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Т.1. Восстание в Петрограде. Т. 2. Москва. Фронт. Периферия. М., 1967; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы I мировой войны. Л., 1967; Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967.

¹⁰⁵ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. С. 397.

¹⁰⁶ Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. С. 162.

вора»¹⁰⁷. Кроме того, В.С. Дякин и Э.Н. Бурджалов отмечали наличие разрозненных заговоров, отдельных малочисленных групп.

Продолжают заниматься историки и оппозицией великих князей накануне Февральской революции. Здесь нужно отметить уже указанную монографию В.С. Дякина, а также его статью «Кризис верхов в России накануне Февральской революции»¹⁰⁸ в журнале «Вопросы истории» и написанные им главы в коллективном труде «Кризис самодержавия в России»¹⁰⁹. В этом труде В.С. Дякин выступил также в качестве ответственного редактора. В своих работах историк выделил несколько направлений влияния, оказываемого великими князьями на царя, и выявил согласованность их действий с действиями Прогрессивного блока. В.С. Дякин был первым историком, представившим попытки великих князей воздействовать на Николая II не как действия, лишённые внутренней логики, продиктованные инстинктом самосохранения, а как вполне продуманные и рассчитанные акции.

Считая, что одно из направлений воздействия на Николая II связано с императрицей Марией Федоровной и сгруппировавшимися вокруг нее членами императорской фамилии, В.С. Дякин писал: «В высших сферах существовало убеждение, будто положение могло быть спасено выступлением всей семьи “in corpore”, заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению. Выступление от общего имени было поручено великому князю Николаю Михайловичу»¹¹⁰. В.С. Дякин показал, что параллельно с подготовкой поездки Николая Михайловича в Ставку великокняжеские круги были причастны еще к одной акции, в которой согласованность их действий с действиями оппозиции проявлялась с особенной очевидностью. Еще в конце XIX в. Николай II случайно обратил внимание на мелкого чиновника А.А. Клопова, получившего с тех пор право писать письма Николаю II, выступая как бы его личным информатором о настроениях в стране. Перед намечавшейся встречей с царем Клопов специально побывал в Крыму, где жили многие великие князья, и в Киеве у Марии Федоровны. К аудиенции было подготовлено для вручения Николаю II письмо от имени А.А. Клопова, в редактировании которого принимал участие Николай Михайлович. В письме Клопов уговаривал царя согласиться на создание министерства из лиц, пользующихся доверием Думы.

«В то время как в Ставке и в Киеве вынашивались планы негласного давления на Николая II, “Прогрессивный блок” готовил публичную атаку на правительство Штюрмера – Протопопова», – отмечал В.С. Дякин¹¹¹. Таким образом, в первой декаде ноября на царя оказывалось давление с двух сторон. Результатом этого давления стала отставка Б.В. Штюрмера, однако все остальное не изменилось, и никакого ответственного министерства царь не дал. В этой атмосфере оформился заговор против Г.Е. Распутина, непосредственным участником которого являлся великий князь Дмитрий Павлович. Но В.С. Дякин считал, что заговор не был составной частью общего плана действий, а являлся актом отчаяния представителей ближайшего окружения царя и убежденных реакционеров, надеявшихся таким путем укрепить пошатнувшийся трон монарха.

Заслуживает внимания и версия другого историка, А.Г. Слонимского, об инспирирующей роли в заговоре против Г.Е. Распутина великого князя Николая Михайловича, который выступал как лидер великокняжеской фронды. Автор основывается на дневниках самого Николая Михайловича, считавшего себя «инициатором совершенного»¹¹². Но В.С. Дякин утвер-

¹⁰⁷ Советская историография февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979. С. 170–171.

¹⁰⁸ Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 70–83.

¹⁰⁹ Кризис самодержавия в России. Л., 1984.

¹¹⁰ Там же. С. 616.

¹¹¹ Там же. С. 617.

¹¹² Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975. С. 113–126.

ждал, что если Николай Михайлович мог при этом думать об ответственном министерстве, то Пуришкевич, убивая Г.Е. Распутина, рассчитывал скорее избежать необходимости такой уступки оппозиции¹¹³.

Следующий этап великокняжеской фронды был связан со стремлением членов императорского дома смягчить участь Дмитрия Павловича. Однако все попытки воздействия на царя были вскоре им пресечены. Вслед за ссылкой Дмитрия в Персию был выслан в свое имение Николай Михайлович, отправлен из Петрограда Кирилл Владимирович. Во второй половине января уехал из столицы и Андрей Владимирович. Но попытки воздействовать на Николая II продолжались. После удаления Николая Михайловича главой семейной оппозиции стал Михаил Александрович, взявший на себя организацию еще одной аудиенции А.А. Клопова и передачу его писем царю. В них А.А. Клопов по согласованию с великим князем Михаилом Александровичем уговаривал Николая назначить князя Г.Е. Львова главой правительства. Однако и эти попытки воздействия на императора оказались безуспешными¹¹⁴.

Данной точки зрения придерживались большинство историков, затрагивающих в своих трудах, написанных в 1970–1980-х гг. проблему взаимоотношений Николая II и великих князей перед Февральской революцией¹¹⁵. Несколько отличное мнение было представлено в работах А.Я. Авреха «Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг.» и «Царизм накануне свержения»¹¹⁶. По его мнению, во время Первой мировой войны произошел процесс подчинения правительства камарилье. Поскольку камарилья – это группа придворных, клика, оказывающая влияние на государственные дела в интересах личной выгоды и преследующая определенные политические цели, то ее деятельность носит закулисный характер. Таким образом, она является трудным объектом для установления закономерностей ее существования и деятельности. Автор считал, что великие князья являлись частью камарильи, окружавшей царя. Он отвергал мнение об участии великих князей в заговоре, с целью свержения императора, однако указывал на «серию разговоров и писем великих князей в конце 1916 г. с требованием убрать Г.Е. Распутина и А.Д. Протопопова и дать «ответственное министерство» во избежание надвигающейся катастрофы, под которой они разумели революцию. Никакими политическими соображениями и тем более доктринами они не руководствовались. Единственный мотив, который привел их к мысли о необходимости подобного семейного воздействия на царя, страх за самих себя и ничего более»¹¹⁷. Необходимо заметить, что данная точка зрения относительно мотивов, которыми руководствовались великие князья для достижения своих целей, уже присутствовала в историографии 1920-х – 1930-х гг., например, в работах В.П. Семенникова.

Историки, чьи работы были опубликованы с 1967-го по начало 1990-х гг., внесли много нового в изучение проблемы взаимоотношений последнего царя с великими князьями. Работы В.С. Дякина, основанные на архивных материалах, доказали связь великокняжеской оппозиции с думской, наличие различных группировок в среде великих князей, продуманность и спланированность их действий.

Начало последнего этапа в изучении интересующей нас темы приходится на 1990-е гг., когда изменились оценочные суждения по отношению к последним Романовым, а вместе с этим изменились и подходы в исследованиях. Если раньше историки часто опериро-

¹¹³ Кризис самодержавия в России. С. 625.

¹¹⁴ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы I мировой войны. М., 1967. С. 265.

¹¹⁵ Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М. 1974; Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; Пушкарёва И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в 1917 г. в России. М., 1982; Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1989; Иоффе Г.З. Великий октябрь и эпизод царизма. М., 1987; Алексеева И.В. Агония сердечного согласия Л.: 1990. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993.

¹¹⁶ Аврех А.Я. Царизм и IV Государственная Дума, 1912–1914 гг. М., 1981; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

¹¹⁷ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 57.

вали общими понятиями, такими как «класс», «прослойка», «общество», «окружение», то теперь они стараются обращаться к отдельным личностям. Особенно много статей посвящено великому князю – историку Николаю Михайловичу¹¹⁸. Появились работы биографического характера о Николае Константиновиче, Сергее Александровиче Романовых¹¹⁹, а также статьи, посвященные отдельным событиям, связанным с великими князьями¹²⁰. Большой интерес для исследователей представляют императорские особы, к ним в первую очередь следует отнести Николая II. Ему и его окружению посвящены научно-популярные исследования историка А.Н. Боханова¹²¹. Эти исследования затрагивают деятельность и великих князей, однако в них отражена повседневная духовная, нравственная жизнь великокняжеского окружения и мало содержится информации об их политической деятельности.

Близка к этим работам книга Ю.В. Кудриной «Императрица Мария Федоровна»¹²², в которой автор уделила внимание общественной деятельности вдовствующей императрицы как главы Ведомства учреждений императрицы Марии и Российского общества Красного Креста. Акцентируя внимание лишь на одной сфере деятельности императрицы Марии Федоровны, Ю.В. Кудрина не избежала ее идеализации. Но данный труд ценен тем, что основан на архивных материалах. Автор использовала дневниковые записи и памятную книжку Марии Федоровны, которую она вела на датском языке, а также переписку с великими князьями и княгинями, хранящуюся в ГАРФе¹²³. Помимо российских архивов Ю.В. Кудрина работала в архиве датского королевского дома в Копенгагене и в Государственном архиве Дании.

В текущей исторической литературе развернулась борьба вокруг фигуры великого князя Кирилла Владимировича, так как это связано с вопросом о праве кирилловской ветви Романовых на престол в России. Поддерживают это право такие исследователи, как А.Н. Закатов¹²⁴ и С.В. Думин, высказывается против этого М.В. Назаров. А.Н. Закатов в своей работе «Император Кирилл I в февральские дни 1917 г.» доказывает расположение императора Николая II к великому князю Кириллу Владимировичу на протяжении всей его жизни в России. Анализируя поведение великого князя Кирилла Владимировича в дни Февральской революции, автор его полностью оправдывает, считая, что еще 27 февраля Кирилл Владимирович убедился в том, что ни правительство, ни военные власти не в силах предпринять ничего разумного. Более того, властные структуры вообще исчезли. «Единственным их подобием, пусть и незаконным, но представляющим из себя организованную власть, оставался “Временный комитет Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями”... Поэтому великий князь Кирилл Владимирович принял решение направиться в Таврический дворец и предложил Гвардейский экипаж в качестве силы для наведения порядка»¹²⁵. В противовес этой точке зрения М.В. Назаров считает, что своим поступком великий князь

¹¹⁸ Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. Сборник научных трудов. СПб., 1991; Соловьев Ю.Б. Красный князь // Родина. 1993. № 1. С. 98–99; Непеин И.Г. Великий князь Николай Михайлович – историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 172–178; Измозик В.С., Павлов Б.В. Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 123–131.

¹¹⁹ Красюков Р.Г. Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 106–123; Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994. № 5. С. 42–47.

¹²⁰ Ганелин Р.Ш. Великий князь Михаил Александрович и Николай II // Дом Романовых в истории России. СПб.: 1993. С. 222–234; Розенталь И. Когда отказываются пожать руку царю // Родина. 1995. № 7. С. 38–43; Кудрина Ю. «Ты молишься о твоём бедном Ники...» // Родина. 1997. № 8. С. 51–56; Кудрина Ю.В. Мария Федоровна Романова: последние годы // Отечественная история. 1997. № 6. С. 141–149.

¹²¹ Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993; Боханов А.Н. Николай II. (ЖЗЛ). М., 1997; Боханов А.Н. Романовы. Сердечные тайны. М., 2000.

¹²² Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000.

¹²³ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. 3724 ед. хр.

¹²⁴ Закатов А. Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М., 1998.

¹²⁵ Там же. С. 57.

нарушил присягу на верность императору¹²⁶. К этой точке зрения присоединяются большинство историков, затрагивающих эту проблему в своих исследованиях¹²⁷.

Данный период характеризуется и появлением переводов зарубежной исторической литературы по интересующей нас теме. Анализируя эти работы, следует выделить исследование профессора русской истории Гарвардского университета Р. Пайпса «Русская революция. Ч. 1. Агония старого режима»¹²⁸. Данная монография ценна тем, что она написана на основе архивов Гуверовского института. Автором был переработан гигантский фактический материал и предпринята попытка дать исчерпывающий анализ причин, повода русской революции. Однако взаимоотношения Николая II с великими князьями не исследованы как отдельная проблема. В монографии нашли отражение лишь наиболее значимые действия великих князей. Так, автор упоминает о влиянии, оказанном великим князем Николаем Николаевичем на Николая II накануне подписания Манифеста 17 октября 1905 г. Проанализировав же события и думские заседания в период с 1 по 5 ноября 1916 г., Р. Пайпс пишет, что они «отмечены нагнетанием революционного психоза»¹²⁹, который затронул все слои общества, оказав влияние и на великих князей, фактически примкнувших к Прогрессивному блоку. Этим он объясняет встречу Николая II с великим князем Николаем Михайловичем 1 ноября и беседу императора с великим князем Николаем Николаевичем 7 ноября. В этом усматривается влияние С.П. Мельгунова, который впервые в работе «На путях к дворцовому перевороту»¹³⁰ пытался объяснить некоторые действия великих князей, в частности первоноябрьское письмо Николая Михайловича, как «результат склонности действовать под влиянием переменчивых настроений, зависящих от внешних флюидов»¹³¹. Кроме того, Р. Пайпс приписывает великому князю Дмитрию Павловичу роль организатора убийства Г.Е. Распутина, считая, что «Юсупов действовал по наущению Дмитрия Павловича, имевшего на него большое влияние»¹³², однако не указывая при этом источник, который позволил ему сделать такой вывод.

Заслуживает внимание сводная справочная работа шведского историка С. Скотта «Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало?»¹³³. Книга о судьбах великих князей XX в. содержит большое количество личных сведений, почерпнутых автором из бесед и интервью со многими эмигрировавшими членами царской династии.

События, связанные с великими князьями, описывает и французский историк М. Ферро¹³⁴, хотя его труд и не содержит дополнительных сведений, ценных для нашей работы.

Из последних работ привлекает внимание книга Э. Кука «Убить Распутина»¹³⁵, в которой автор хотя и не рассматривает вопросы, имеющие отношение к великокняжеской оппозиции, но выдвигает версию о причастности к этому убийству офицеров британской разведки.

Появляющиеся исторические исследования и новые архивные данные помогают составить более полное представление как о Романовых в отдельности, так и об их совместных действиях, сделать выводы о том, что лежало в основе этих действий в последний год царствования Николая II.

¹²⁶ Назаров М.В. Кто наследник российского престола? М., 1998. С. 30.

¹²⁷ Коршунов Ю.Л. Командир Гвардейского экипажа великий князь Кирилл Владимирович // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 267–273; Чакшов В.Н. Романовы: кто они? // Отечественная история. 1998. № 1; Боханов А.Н. Романовы. Сердечные тайны. М., 2000. С. 322.

¹²⁸ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. Агония старого режима. М., 1994.

¹²⁹ Там же. С. 287.

¹³⁰ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией). Париж, 1931.

¹³¹ Там же. С. 129.

¹³² Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. С. 294.

¹³³ Скотт С. Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? Екатеринбург, 1993.

¹³⁴ Ферро М. Николай II. М., 1991.

¹³⁵ Кук Э. Убить Распутина. Жизнь и смерть Г. Распутина. М., 2007.

Таким образом, авторами осуществлено комплексное рассмотрение известных, неоднократно цитировавшихся в научной литературе источников для создания более полной и достоверной картины происходящего по интересующей нас теме. Также введены в оборот ранее не использовавшиеся в отечественных научных исследованиях источники¹³⁶, что позволяет представить новый взгляд на анализируемые события.

В результате изучения литературы были выделены четыре этапа исследования проблемы великокняжеской оппозиции в России в 1915–1917 гг. На первом этапе (1917–1935 гг.) историография носила резко обличительный характер по отношению к последним Романовым. Несмотря на высказанную советским историком М.Н. Покровским идею государственного переворота, который готовился не без участия великих князей, мнения по этому вопросу разделились. Ряд авторов (И.М. Василевский, Н.Н. Евреинов, С.В. Любош, В.А. Канторович) были более осторожны в своих выводах относительно причастности великих князей к перевороту. Другие же (Д. Эрде, В.П. Семенников, С.Д. Мстиславский, Б.Б. Граве, Э.Б. Генкина) поддержали идею М.Н. Покровского.

Своеобразным продолжением концепции дворцового переворота стал следующий период (1935–1960-е гг.) в изучении великокняжеской оппозиции. Но на этом этапе было внесено мало нового в изучаемую проблему. Более того, на смену многообразию мнений пришла единая концепция, выработанная И.И. Минцем в «Истории гражданской войны в СССР»¹³⁷. В данном труде в качестве приоритетного направления выдвигалась проблема движения революционных масс, что воплотилось в трудах советских историков этого периода (С.В. Воронкова, А.Я. Грунт, В.Н. Фирстова, К.С. Василенко). Что касается «кризиса верхов», то он считался не существенным и не достойным изучения.

На третьем этапе (1967–1990-е гг.) впервые были осуществлены попытки (Е.Д. Черменский, В.Я. Лаверычев, А.Г. Слонимский, В.И. Старцев, А.Я. Аврех, В.С. Дякин) представить действия великих князей накануне Февральской революции как согласованные с действиями думской оппозиции.

На четвертом этапе, который начался в 1990-х гг. особое внимание уделяется повседневной общественной деятельности великих князей (А.Н. Боханов, Ю.В. Кудрина). Появилось много трудов, носящих биографический характер¹³⁸, а также появляются работы, затрагивающие отдельные события, связанные с великими князьями.

Данная работа является попыткой продолжить начатые ранее исследования о великих князьях как политической силе, оказавшей существенное влияние на ситуацию в предреволюционной России.

¹³⁶ Grand Duc Nicolas Mikhailovitch. La fin du tsarisme. Lettres inédites a Frederic Masson. (1914–1918). Paris, 1968; «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С. 3–24; Письма из прошлого // Источник. 1994. № 4. С. 31–38; К истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы / Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 148–180.

¹³⁷ История гражданской войны в СССР. М., 1935.

¹³⁸ Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. Сборник научных трудов. СПб., 1991; Соловьев Ю.Б. Красный князь // Родина. 1993. № 1. С. 98–99; Непейн И.Г. Великий князь Николай Михайлович – историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 172–178; Измозик В.С., Павлов Б.В. Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 123–131; Красюков Р.Г. Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 106–123; Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994. № 5. С. 42–47.

Глава 2. Кризис системы семейного правления

Великокняжеское сословие как часть правящей элиты России ко времени правления Николая II прошло долгий путь эволюции. В связи с этим целесообразно рассмотреть основные этапы данной эволюции для лучшего понимания процессов, происходивших в великокняжеской среде во время правления последнего императора.

На разных этапах истории **функции, которые великие князья исполняли в политической жизни России**, менялись. В эпоху дворцовых переворотов, в условиях, когда возникала неопределенность, кто будет наследником престола, великие князья служили источником постоянного напряжения и объектом для подозрений монархов. Так было при жизни Екатерины II, до самой смерти не пускавшей на престол собственного сына. Так было и при Павле I, планы о смещении которого с престола были известны его старшему сыну.

Принятие Павлом I закона о престолонаследии не исправило ситуацию. Согласно законодательному акту 1797 г. о правах и обязанностях лиц императорской фамилии были установлены титулы: для старшего сына – наследник престола, цесаревич. Дети, внуки, правнуки, праправнуки императора получали титул великих князей, а их жены, соответственно, титул великих княгинь. Однако неопределенность во взаимоотношениях между великими князьями – претендентами на престол стала поводом для восстания 14 декабря 1825 г.

Лишь в царствования Николая I и Александра II великие князья при решении вопросов о престолонаследии отошли на второй план.

В XIX в. традиционной функцией великих князей была служба на высших должностях в гвардии, армии и во флоте, где они были командирами и шефами полков императорской гвардии (символа и опоры самодержавия). Они также участвовали в деятельности наиболее ответственных комиссий, при необходимости стабилизации ситуации, как это было, например, в период подготовки земельной реформы, являлись почетными президентами академий, выступали как покровители наук и искусств. Великие княгини и вдовствующие императрицы занимались благотворительностью, осуществляли надзор за сиротами и заведениями общественного призрения.

Великие князья были одними из самых близких семейных советников по важным вопросам политической жизни.

В середине и второй половине XIX в. наступает расцвет системы семейного правления, когда великие князья, безусловно, поддерживали все действия императора и активно проводили его политику на высших государственных и военных должностях. Императрица Мария Александровна, а также великая княгиня Елена Павловна, вдова великого князя Михаила Павловича, поддерживали авторитет царской власти в первые, самые трудные годы царствования императора Александра II. Дом великой княгини Елены Павловны, прежде являвшийся культурным и общественным центром, превратился в политический салон, где в свободной обстановке происходили встречи императора и императрицы с общественными деятелями и публицистами.

В первые годы после воцарения император Александр II нуждался в молодых, энергичных государственных деятелях, которым он доверял. В числе других соратников таковыми стали и три его брата: Константин, Николай и Михаил.

Великий князь Константин Николаевич был главой морского ведомства и самым активным сторонником реформ. С ним император по-семейному, не боясь огласки, обсуждал государственные дела. «Успехи главы морского ведомства были вполне очевидны, и к нему потянулись либерально настроенные чиновники и общественные деятели, которых он умело собирал

в этом министерстве, ставшем своего рода питомником для выращивания кадров», – пишет российский историк В.Г. Чернуха¹³⁹.

В 1857 г. великий князь Константин Николаевич был назначен членом Секретного комитета по крестьянскому вопросу и, таким образом, принял активное участие в отмене крепостного права в России. В 1863 г. он был назначен наместником царства Польского, что являлось признаком высочайшего доверия императора к своему брату: ведь Константин Николаевич должен был руководить Польшей в сложнейшей ситуации после подавления Варшавского восстания.

Наконец, Александр II предоставил ему самый высокий и самый почетный пост империи – председателя Государственного совета. Великий князь сохранил свой пост, как и доверие императора, вплоть до гибели Александра II.

Братья великого князя Константина Николаевича – Николай Николаевич и Михаил Николаевич – принимали менее активное участие в государственных делах, но преуспели на военном поприще. Они занимали высокие посты: великий князь Николай Николаевич стал командующим войсками гвардии, а великий князь Михаил Николаевич был наместником на Кавказе. Все четыре брата явились основателями семейств – Александровичей, Константиновичей, Николаевичей и Михайловичей, претендовавших на свою долю власти и влияния.

Таким образом, даже в период расцвета системы семейного правления великокняжеская среда не была единой. «За исключением наследника [будущего императора Александра III. – *Е.П., К.Б.*] и его троих сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители Императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и флоте и соперничали друг с другом. Отсюда – существование в императорской семье нескольких партий и, несмотря на близкое родство, некоторая взаимная враждебность»¹⁴⁰, – вспоминал представитель самой младшей ветви Романовых великий князь Александр Михайлович.

Пришедший к власти в 1881 г. император Александр III был строг со своими ближайшими родственниками. По воспоминаниям С.Ю. Витте, «император Александр III был действительно главой царской семьи, он держал всех великих князей и княгинь в соответствующем положении: все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись... Государь умом своего сердца понимал, что многочисленная императорская семья должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных»¹⁴¹. Поэтому император отстранил своих дядей – великих князей Константина Николаевича и Николая Николаевича – от участия в государственных делах, на том основании, что они «обзавелись побочными семьями». У власти он оставил лишь младшего из своих дядей – «кавказца» Михаила Николаевича, доверив ему пост председателя Государственного совета, на котором до него находился Константин. Кроме того, до самой своей смерти в 1909 г. великий князь Михаил Николаевич являлся генерал-фельдцейхмейстером.

На высокие государственные посты пришло новое поколение великих князей – братьев Александра III, а с ним на смену либеральному началу в великокняжеской среде пришло консервативное.

Генерал от инфантерии великий князь Владимир Александрович в 1884–1905 гг. занимал пост главнокомандующего гвардией и командующего войсками Петербургского военного округа. Кроме того, в 1869–1876 гг. он являлся товарищем президента, а вслед за тем и президентом Академии художеств. Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович в 1881–1905 гг. был главным начальником флота и морского ведомства. Генерал-лейтенант великий князь Сергей Александрович в 1891–1905 гг. – московским генерал-губернатором, а с 1896 г. –

¹³⁹ Власть и реформы. СПб, 1996. С. 298.

¹⁴⁰ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 37.

¹⁴¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. I. С. 412.

и командующим войсками Московского военного округа. Младший из братьев, великий князь Павел Александрович, не занимал столь ответственных постов, командуя лейб-гвардии Гусарским, а затем лейб-гвардии Конным полком. Правда, в 1898–1902 гг. он командовал Гвардейским корпусом, но затем вследствие морганатического брака был снят со всех должностей и получил звание генерала от кавалерии лишь после начала Первой мировой войны. Кроме того, он также занимал должности почетного председателя Русского общества охраны народного здоровья и покровителя коннозаводских учреждений в России. Все братья дружно поддерживали консервативный курс Александра III.

Положение других великих князей не было столь завидным. В связи с ростом численности императорской фамилии и значительным увеличением расходов на ее содержание Александр III в 1886 г. принял указ, согласно которому право считаться великими князьями и получать в этом качестве особое содержание и титул «императорского высочества» предоставлялось только сыновьям и внукам императора. Правнуки же и их потомки становились князьями императорской крови и получали титул «высочества»¹⁴². Цель указа заключалась еще и в том, чтобы сосредоточить на государе и самых его близких родственниках весь тот престиж, который было нельзя безнаказанно распространять на слишком большое число лиц¹⁴³. Указ вызвал негодование великих князей. Они считали, что прежде чем издать указ, его следовало с ними обсудить¹⁴⁴.

В марте 1889 г. в Гатчине состоялся семейный совет, на котором Александр III предложил решить вопрос о том, допускать ли для великих князей морганатические браки. До этого согласно положению об императорской фамилии 1797 г. император мог разрешить брак с лицом неравнородным, то есть не принадлежавшим ни к какому царствующему или владельческому дому, но такой брак не распространял на это лицо прав и преимуществ члена императорского дома.

В конце совета император «категорически объявил свою волю о том, что никогда таких браков в своем семействе допускать не будет. Великий князь Николай Михайлович... остался после ухода прочих членов семейства... с императором и сказал ему: “Ты поступил, Саша, как тебе приказывал твой долг. Я вполне одобряю твое решение, как оно ни тяжело лично для меня”»¹⁴⁵.

Хотя мнения по этому вопросу в великокняжеской среде разделились, Александр III в 1893 г. именным указом запретил морганатические браки.

После смерти императора Александра III и вступления на престол его сына Николая II ближайшие родственники покойного императора, великие князья Владимир Александрович, Сергей Александрович, Алексей Александрович и Михаил Николаевич, старались оказывать сильное воздействие на Николая II. Великокняжеское влияние в данный период достигло своего апогея. Воспитанный в правилах подчинения старшим, Николай II в первые годы во многом находился под контролем своих дядей, хотя далеко не всегда внутренне одобрял навязанные ему решения.

Разногласия начались сразу после смерти императора Александра III. В дневнике Николая II за этот период есть запись: «Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу; Мама, некоторые другие и я находили, что лучше всего сделать ее здесь (в Ливадии) спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома, а все дяди против этого и гово-

¹⁴² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 6. Ст. 3851.

¹⁴³ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. I. С. 283–285.

¹⁴⁴ Там же. Т. I. С. 285.

¹⁴⁵ Там же. Т. II. С. 177.

рят, что мне следует жениться в Питере после похорон»¹⁴⁶. Николаю II пришлось выполнить желание старших родственников.

После коронационных торжеств и катастрофы на Ходынском поле царь приказал произвести следствие по Ходынскому делу, и сразу выяснилось, что великий князь Сергей Александрович, как московский генерал-губернатор, был виноват. В дневнике осведомленной мемуаристки А.В. Богданович есть запись от 2 июня 1896 г.: «Когда выяснилось, что Сергей Александрович виновен, тогда все три брата Владимир, Алексей и Павел привезли царю свои отставки на случай, если Сергея будут судить»¹⁴⁷. Или еще одно свидетельство из того же источника от 6 июня 1896 г.: «...положение России становится отчаянное, царь слушает всех родственников, которые ему доброго совета дать не могут. Великий князь Павел говорил своим офицерам конногвардейцам, что в царской семье не перестают все ссориться, никто царя не боится. Великий князь Владимир со всеми дерзок и нахален»¹⁴⁸. Подобное засилье великих князей порождало даже возмущение. 18 декабря 1904 г. А.В. Богданович записала в своем дневнике: «Великие князья плодят недовольных, желающих конституции»¹⁴⁹. Но данная ситуация была характерна лишь до 1905 г.

В 1905 г. великий князь Сергей Александрович погиб от взрыва бомбы, брошенной эсером И.П. Каляевым. В том же году великий князь Алексей Александрович был уволен с поста главы военно-морского ведомства после поражений русского флота в Русско-японской войне. Великий князь Владимир Александрович в 1905 г. ушел в отставку с поста командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа в знак протеста против высылки его сына Кирилла Владимировича за границу. Эта ссылка была вызвана браком Кирилла Владимировича с гессенской герцогиней Викторией Мелитой, заключенного без разрешения императора, более того, против его воли. На место Владимира Александровича был назначен великий князь Николай Николаевич. Спустя два года даже Павел Александрович, занимавший из всех братьев наименее видные посты, был с них уволен вследствие заключения после смерти супруги, дочери греческого короля, морганатического брака с О.В. Пистолькорс. По этой же причине Николай II запретил ему жить в России. Разрешение вернуться на родину он получил лишь в 1914 г.

Таким образом, если до 1905 г. великие князья занимали высокие посты в империи, что давало им возможность проводить свою политику в отдельных, подчиненных им областях, то после революции 1905–1907 гг., и в особенности после создания Государственной думы, их вмешательство в политику стало эпизодическим, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами, которые, как правило, были связаны со смещением или назначением отдельных официальных лиц. Лишь великий князь Николай Николаевич по-прежнему занимал высокий пост председателя Совета государственной обороны. В 1905 г. он был назначен командующим войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

В России, как и во всем мире, происходил процесс профессионализации системы управления, что приводило к росту социальной гетерогенности бюрократической среды, в которой наряду с сохранением значительной доли дворянства появлялось все большее число разночинцев. В первую очередь от этого пострадали великие князья. В связи с их некомпетентностью, а также с тем, что они являлись родственниками монарха, что снимало с них определенную долю ответственности, они стали отесняться на второй план. Наступал кризис системы семейного правления.

¹⁴⁶ Дневники Николая II. М., 1991. Запись от 22 октября 1894 г. С. 43.

¹⁴⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М. – Пг., 1924. С. 202.

¹⁴⁸ Там же. С. 204.

¹⁴⁹ Там же. С. 320.

Однако великие князья не хотели с этим мириться. Так, в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович пишет: «Даже наименее одаренные из них (великих князей) могли бы с большим успехом занимать административные посты в империи, чем те бюрократические роботы-изменники, которые во второй половине царствования Николая II захватили министерские и губернаторские портфели...»¹⁵⁰.

Несмотря на то что великие князья продолжали исполнять свои традиционные функции, их политическая значимость становилась все меньше. С утерей важных государственных постов и отчуждением их от власти великие князья все больше превращались в псевдоэлиту. В связи с этим менялось и их отношение к монархии.

Николай II придерживался концепции «народного самодержавия». Он свято верил в искреннюю любовь к нему простого народа. Видя в себе, прежде всего, Помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным. «“Такова моя воля” было фразой, неоднократно слетавшей с его уст и долженствовавшей, по его представлению, прекратить всякие возражения против высказанного им предположения», – писал В.И. Гурко¹⁵¹. Идеалом для Николая II была Русь XVII в., времени правления царя Алексея Михайловича. Соответственно, император хотел править так, как правили в то время на Руси, ему были чужды идеи парламентаризма.

Оттеснение великих князей с центральных позиций правящей элиты страны порождало в них более либеральные в сравнении с императором настроения. Все великие князья являлись состоятельными, европейски образованными людьми, близкими в силу своего происхождения к власти и потому желавшие этой властью воспользоваться. Их не устраивала не монархия, а монарх и его взгляды на монархию, систему управления государством. Считая, что имеют возможность и способность управлять, великие князья оставались не у дел. В отличие от Николая II, для них Россия и царь составляли два разных понятия. Если раньше великие князья являлись опорой монарха, то теперь начинается их длительный и постепенный переход в оппозицию к самодержцу.

К началу XX в. изменяется **структура великокняжеской фамилии**. Во второй половине правления императора Николая II (с 1905 г.) состав окружающей императора великокняжеской среды претерпевает изменения, поскольку уходят с постов «четыре грозных дяди». К 1917 г. российский императорский дом насчитывал 65 человек. Не все представители семьи Романовых играли заметную роль в политической жизни страны. Всех членов дома можно разделить на четыре ветви (по родственному принципу): Александровичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи.

Ветвь Александровичей была представлена вдовой императора Александра III и его братьями Владимиром, Алексеем, Сергеем и Павлом.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847–1928), обладая сильным и властным характером, пыталась оказывать влияние на Николая II. Это привело к конфликту между вдовствующей императрицей и супругой Николая II Александрой Федоровной, в связи с чем Мария Федоровна приняла решение удалиться от двора. Подолгу, а с 1915 г. постоянно, она проживала в Киеве. Однако авторитет ее в великокняжеском обществе и аристократической среде был настолько велик, что даже спустя годы именно посещение Киева придавало значимость и своего рода легитимность действиям, направленным на ограничение влияния Александры Федоровны.

Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) был третьим сыном императора Александра III и Марии Федоровны, младшим братом Николая II. После смерти второго сына

¹⁵⁰ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 128.

¹⁵¹ Гурко В.И. Царь и царица. / Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1991. С. 367.

великого князя Георгия Александровича (1871–1899) в течение 5 лет, вплоть до рождения сына Николая II Алексея, он считался наследником престола. В связи с заключением в 1912 г. морганатического брака он был уволен со службы, а над его имуществом была установлена опека. Несколько лет великий князь был вынужден проживать за границей. Его политическое влияние в этот период было близко к нулю. С началом войны великий князь стал работать в комитете по закупке вооружения в Великобритании, встречаясь с английскими военными специалистами, министрами и даже королем Георгом V. В 1915 г. он вернулся в Россию, был произведен в генерал-майоры и назначен в действующую армию, где стал командующим Кавказской туземной («Дикой») конной дивизией, был награжден орденом Святого Георгия. В 1916 г. великого князя Михаила Александровича произвели в генерал-лейтенанты и назначили командующим 2-м Гвардейским корпусом. Но он не принимал активного участия в политической жизни страны вплоть до зимы 1916–1917 гг.

Великая княгиня Мария Павловна (1854–1920), урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, вдова великого князя Владимира Александровича, по праву считалась третьей дамой империи, вслед за женой Николая II Александрой Федоровной и вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Салон великой княгини Марии Павловны на Дворцовой набережной был центром аристократической жизни Петербурга, а значит, и средоточием различных слухов и сплетен, касавшихся великокняжеского общества, и в особенности жизни императорской четы.

Светская жизнь требовала выполнения этикета и строгих правил. Александра Федоровна, с точки зрения Марии Павловны, с этой ролью не справлялась, что вызывало у третьей дамы империи презрительное отношение к молодой императрице. Великая княгиня имела троих сыновей: великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), Бориса Владимировича (1877–1943), Андрея Владимировича (1879–1956). Независимость и особенное положение великой княгини Марии Павловны в аристократическом обществе могло объясняться еще и достаточно близким положением ее сына, великого князя Кирилла Владимировича, к трону. В иерархии престолонаследия он был третьим. Первым был неизлечимо больной царевич Алексей, за ним следовал брат царя Михаил Александрович, вступивший в морганатический брак. Скорее всего, Мария Павловна, яснее других осознавая возможность перехода престола к Кириллу Владимировичу, именно поэтому приняла в 1908 г. православие (спустя 34 года после заключения брака): мать русского царя должна была исповедовать православную веру. Однако у Кирилла Владимировича были серьезные препятствия на пути к трону. Он был женат на двоюродной сестре и лютеранке. Впоследствии появились и другие обстоятельства, которые не позволяли рассматривать его как законного и достойного наследника престола даже его сторонникам, в частности его измена императору в дни Февральской революции.

Великий князь Павел Александрович (1860–1919), сын императора Александра II и брат императора Александра III, был женат на двоюродной племяннице, принцессе греческой Александре Георгиевне, а после смерти супруги он в 1902 г. вступил в морганатический брак с О.В. Пистолькорс, урожденной Карнович. В связи с заключением подобного брака он был отдален от двора и долгое время был вынужден жить за границей. Великий князь Павел Александрович получил разрешение вернуться в Россию лишь в 1914 г., уже после начала войны. Впоследствии он неоднократно пытался приблизиться к Николаю II, не брезгуя при этом даже помощью Г.Е. Распутина. Самую решительную попытку повлиять на императора он предпринял в декабре 1916 г., однако успеха не достиг и окончательно перешел в оппозицию.

Его сын от первого брака великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942) дослужился до званий флигель-адъютанта и штабс-ротмистра. В связи с тем что отец жил за границей, Дмитрий Павлович и его сестра Мария Павловна (младшая) воспитывались в доме своего дяди великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. После смерти Сергея Александровича воспитателем Дмитрия Павловича фактически стал Николай II. Бли-

зость к императору и семейные обстоятельства сказались на его воспитании не лучшим образом. Он отличался импульсивностью, несдержанностью, неуравновешенностью характера.

Таким образом, в ветви Александровичей основным мотивом оппозиции была личная неприязнь великой княгини Марии Павловны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны к жене Николая II. Их отношения использовались другими оппозиционно настроенными великими князьями для усиления распространения собственного влияния. Мужская половина ветви Александровичей не могла оказать на императора никакого политического воздействия: Павел Александрович запятнал себя в глазах Николая II морганатическим браком, а Дмитрий считался несчастным ребенком.

Константиновичи были потомками великого князя Константина Николаевича, умершего в 1892 г. Из-за либеральных взглядов отца Константиновичи были очень непопулярны в семье Романовых и, возможно, в связи с этим не принимали активного участия в политической жизни страны. Из четырех Константиновичей (Николай, Константин, Дмитрий и Вячеслав) лишь Константин Константинович, начальник военных учебных заведений, президент Академии наук с 1889 г. и талантливый поэт, писавший под псевдонимом «К.Р.», оставил заметный след в истории России, главным образом в области просвещения и литературы. Николай же Константинович, единственный из великих князей, был сослан в Ташкент за кражу семейных драгоценностей.

Две младшие ветви – Николаевичи, представленные великими князьями Николаем Николаевичем (младшим) и Петром Николаевичем, и Михайловичи, представленные братьями Николаем, Александром, Георгием и Сергеем Михайловичами, – соперничали между собой. Истоки этой вражды отчасти связаны с тем, что Михайловичи, вернувшись в Петербург с Кавказа, пытались занять видное положение в семье.

Обострялись их взаимоотношения и тем, что в каждой из этих ветвей был своеобразный лидер. С начала XX в. у Николаевичей – великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929). С уходом с политической сцены четырех «грозных дядей» его одиозная фигура воплотила в себе надежды Николая II на твердую опору в великокняжеской среде. Хотя это во многом оказалось иллюзией со стороны императора, тем не менее Николай Николаевич занимал из всех великих князей самые ответственные посты.

Политическое влияние его родного брата Петра Николаевича (1865–1931), генерал-инспектора по инженерной части, не шло ни в какое сравнение с влиянием Николая Николаевича. Братья были женаты на сестрах – черногорских княгинях Анастасии и Милице. Обе сестры поддерживали авторитет великого князя Николая Николаевича, поскольку понимали, что только он может наилучшим образом защитить их интересы при дворе.

Последняя великокняжеская ветвь – Михайловичи, или, как их называли в Петербурге, «кавказцы», на долгое время были удалены от двора и пытались восстановить свое положение. После удаления великого князя Михаила Николаевича с поста председателя Государственного совета Михайловичи старались реализовать свои политические амбиции. Второму по старшинству брату Михаилу Михайловичу (1861–1929) это не удалось, так как, заключив в 1891 г. морганатический брак с графиней Н. Меренберг, он постоянно жил в Англии.

Не слишком удачлив в этом был и его старший брат – Николай Михайлович (1859–1919), который после смерти в 1909 г. отца, великого князя Михаила Николаевича, стал главой ветви Михайловичей. Степень его влияния на императора была ничтожно мала в сравнении с авторитетом его противника – великого князя Николая Николаевича, но среди Михайловичей он выделялся наиболее развитым интеллектом и заинтересованностью в политике. Другие представители данной ветви были более аполитичны. Великий князь Георгий Михайлович (1863–1919) являлся управляющим Русским музеем императора Александра III и был страстным нумизматом.

Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) занимался организацией флота в начале Русско-японской войны и стоял у истоков военной авиации в России. Он был женат на родной сестре Николая II Ксении.

Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918) являлся генерал-адъютантом, генералом от артиллерии, а с 1905 г. – генерал-инспектором артиллерии. В 1915–1917 гг. он был полевым генерал-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем.

Таким образом, в великокняжеской среде с определенной долей условности можно выделить четыре активные группировки. Первая связана с Николаевичами, и прежде всего с именем великого князя Николая Николаевича (младшего). Вторая – с ветвью Михайловичей, сыновьями великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II. Вторая группировка поддерживала контакты с фрондирующими Александровичами, прежде всего, с вдовствующей императрицей Марией Федоровной и с великой княгиней Марией Павловной, вокруг которых формировались, соответственно, еще две группы великих князей, которые испытывали личную неприязнь к жене императора и потому также оказались в оппозиции к царствующим лицам.

Великие князья как часть правящей элиты России прошли долгий путь эволюции. Перестав быть источником угрозы при решении вопроса о престолонаследии в годы царствования Николая I, в середине и второй половине XIX в. великие князья стали основой системы семейного правления, когда они безусловно поддерживали все действия императора и активно проводили его политику на высших государственных и военных должностях. В данный период великие князья играли не только традиционные роли шефов гвардейских полков и президентов академий, но и занимали высшие государственные посты империи, оказывая значительное влияние на политику страны. Они являлись вернейшей опорой монарха, независимо от его политической направленности, будь то консервативный курс Николая I, реформы Александра II или политика контрреформ Александра III.

В начале правления Николая II великокняжеское влияние достигло своего апогея. Однако процессы профессионализации системы управления, морганатические браки великих князей и, главное, революция 1905–1907 гг., повлекшая за собой создание Государственной думы, способствовали уменьшению их политической значимости. Система семейного правления клонилась к своему закату, а вмешательство великих князей в политику становилось эпизодическим, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами, и чаще всего было связано с назначением или смещением высших должностных лиц.

Оттеснение великих князей с центральных позиций правящей элиты страны завершалось их личным вытеснением из семьи монарха, чему способствовало и появление Г.Е. Распутина. Данный процесс постепенно изменил и отношение великих князей к самодержавию. Все вышеперечисленные факторы порождали у великих князей более либеральные в сравнении с императорской фамилией настроения. Одна из опор монархии превращалась в ее оппозицию.

Помимо внешних факторов, оказывавших влияние на положение великих князей, сказывались и внутренние противоречия великокняжеской среды. Всех членов дома Романовых можно разделить по родственному принципу на четыре ветви: Александровичи, Константиновичи, Николаевичи, Михайловичи. В каждой из этих ветвей были оппозиционно настроенные великие князья.

В ветви Александровичей основным мотивом оппозиционности была личная неприязнь вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княгини Марии Павловны к жене Николая II. Их отношения использовались другими оппозиционно настроенными великими князьями для усиления распространения собственных влияний.

Константиновичи не допускались к активному участию в политической жизни страны из-за своих либеральных взглядов. По этой же причине они были непопулярны среди остальных Романовых.

Наиболее верной опорой монархии являлись две младшие ветви – Николаевичи и Михайловичи, однако некоторые их представители с конца XIX в. враждовали между собой. Лидер Николаевичей, Николай Николаевич, занимал из всех великих князей самые ответственные посты, включая пост Верховного главнокомандующего в начале Первой мировой войны. Степень влияния на императора лидера Михайловичей – Николая Михайловича – была ничтожно мала в сравнении с авторитетом его противника великого князя Николая Николаевича, но он выделялся среди великих князей наиболее развитым интеллектом и заинтересованностью в политике. Таким образом, даже между ближайшими сторонниками Николая II существовали противоречия, основанные на личной неприязни друг к другу. Личностный конфликт внутри великокняжеского окружения ускорял его переход в оппозицию.

Часть II. Великокняжеская оппозиция 1915–1917 гг.

Великокняжеская оппозиция в России 1915–1917 гг. явилась значимой составной частью структурного предреволюционного кризиса и ярким показателем разложения правящей элиты.

К началу Февральской революции 1917 г. положение великих князей в системе государственного управления было подорвано. К этому времени ими были утрачены почти все реальные властные позиции в верхах. Однако они еще сохраняли значение ближайших родственников императора, которые могли оказать на него влияние при принятии важных политических решений. Это способствовало тому, что великие князья оказались в самом центре политических противоречий в верхах.

Глава 1. Политическая эволюция великих князей Николая Николаевича и Николая Михайловича в 1915–1916 гг.

Великие князья Николай Николаевич и Николай Михайлович являлись центральными фигурами великокняжеского окружения, поэтому их политическая эволюция до начала периода великокняжеской оппозиции, который длился с ноября 1916 г. до февраля 1917 г., нуждается в более детальном рассмотрении.

Политическая эволюция великого князя Николая Николаевича в 1915–1916 гг. была существенным фактором для формирования великокняжеской оппозиции.

Единственный из великих князей, он занимал ответственные должности в государственном управлении. На примере его служебной карьеры можно проследить изменение взаимоотношений великого князя с Николаем II от дружбы и поддержки к оппозиции по отношению к самодержцу и самодержавию. Основными вехами этой эволюции стали его участие в подготовке и принятии Манифеста 17 октября 1905 г., его столкновения с военным министром В.А. Сухомлиновым в 1905–1908 гг., введение им в царскую семью Г.Е. Распутина, последующая ссора с ним и, наконец, отстранение от должности Верховного главнокомандующего русской армией в 1915 г.

Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) окончил Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба. Он принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а с 1884 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком, в котором проходил службу и его племянник, будущий император Николай II. С 1895 г. являлся генерал-инспектором кавалерии.

«Если государь не примет программу Витте...я застрелюсь у него на глазах»

Наиболее заметно его вмешательство в политику стало проявляться с октября 1905 г., причем это произошло не по воле великого князя: когда Николай II оказался в чрезвычайно сложном положении, вызванном размахом революционного движения в России, Николай Николаевич... охотился у себя в имении Першино Тульской губернии.

Перед высшей властью стоял выбор: либо реформы, либо диктатура. Первый путь предлагался в программе С.Ю. Витте, и несмотря на то что в своих мемуарах граф пишет о собственном нежелании принятия своей программы¹⁵², он являлся ее автором и защитником. Однако Николай II не доверял ему полностью, и сам С.Ю. Витте знал об этом.

Круг обсуждавшихся кандидатов на пост диктатора был крайне узок: командующий петербургским гарнизоном Д.Ф. Трепов и великий князь Николай Николаевич. Относительно первого С.Ю. Витте замечал, что «государем владеет Трепов: он, Трепов, а не государь пишет мне резолюции»¹⁵³. Другой кандидат, великий князь Николай Николаевич, как вспоминал С.Ю. Витте, был, по выражению министра двора графа В.Б. Фредерикса, «естественным диктатором... так как он, безусловно, предан государю и казался мужественным»¹⁵⁴.

Поставленный перед такой дилеммой, Николай II не торопился с принятием решения. 9 октября он заслушал доклад С.Ю. Витте наедине, а 10 октября – в присутствии Александры

¹⁵² Витте С.Ю. Воспоминания. М. 1994. Т. III. С. 45.

¹⁵³ Там же. С. 47.

¹⁵⁴ Там же. С. 40.

Федоровны, которая «не выронила ни одного слова, сидела, как автомат, и по обыкновению краснела как рак»¹⁵⁵. В следующие дни программа С.Ю. Витте подверглась активному обсуждению, от которого сам он был отстранен. Вместе с тем 12 октября император короткой телеграммой: «Приезжай, Николай»¹⁵⁶ вызвал великого князя Николая Николаевича в Петербург. Последний сумел добраться до столицы лишь утром 15 октября. «Правые круги с восторгом восприняли известие о вызове Николая Николаевича, рассчитывая на его энергичную диктатуру»¹⁵⁷, – замечал об этом начальник канцелярии министра двора А.А. Мосолов.

К тому времени, вследствие размаха революционных действий, Николай II еще 13 октября был вынужден назначить С.Ю. Витте на пост председателя Совета министров, но тот отказался, заявив, что не может «сделаться первым министром до утверждения его программы»¹⁵⁸.

15 октября в 11 часов утра, сразу по прибытии великого князя Николая Николаевича, в Петергофе состоялось совещание, в котором принимали участие как сторонники введения диктатуры – генерал-адъютант граф В.Б. Фредерикс, генерал-адъютант О.Б. Рихтер, – так и представители различных программ реформ – граф С.Ю. Витте, статс-секретарь И.Л. Горемыкин, и барон А.А. Будберг. Приглашенный на совещание Николай Николаевич был извещен о своей возможной роли будущего диктатора лишь утром того же дня. О новизне ситуации для него говорит тот факт, что великий князь «неоднократно прерывал докладчика [С.Ю. Витте. – *Е.П., К.Б.*], дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного»¹⁵⁹. Никакого решения на данном совещании принято не было. Однако помимо этого были совещания Николая II с В.Б. Фредериксом, И.Л. Горемыкиным, А.А. Будбергом. С.Ю. Витте об этих совещаниях узнал лишь случайно.

В тот же вечер в Петербурге С.Ю. Витте посетила депутация рабочих во главе с М.А. Ушаковым, председателем «Общества взаимного вспомоществования рабочих, занятых в механическом производстве», зубатовской организации, основанной в Петербурге в конце 1902 г. На следующий день утром М.А. Ушаков посетил и великого князя Николая Николаевича, причем после этой встречи великий князь окончательно отказался стать диктатором.

В этой ситуации естественно возникает вопрос о том, каким образом делегация рабочих сумела встретиться с двумя кандидатами на высший государственный пост в разгар всеобщего кризиса и к тому же серьезно повлиять на принятие ответственного государственного решения. В исторической литературе высказывается мнение о том, что встреча М.А. Ушакова с великим князем Николаем Николаевичем была инспирирована С.Ю. Витте¹⁶⁰. Будущий премьер пригласил к себе рабочего-зубатовца, используя посредничество скандально известного князя М.М. Андронникова. Небезынтересно, что на следующий день в организации, возглавлявшейся М.А. Ушаковым, был создан комитет для оказания помощи нуждающимся рабочим, причем на деньги в сумме 5 тысяч рублей, пожертвованных графом С.Ю. Витте, а первое собрание этого комитета почтило жертвователя вставанием¹⁶¹.

Таким образом, давление на Николая Николаевича со стороны М.А. Ушакова, которое в конечном счете повлияло на решение великого князя отказаться от роли диктатора, было не только инспирировано С.Ю. Витте, но и косвенно оплачено им. Более того, вероятно, и

¹⁵⁵ Там же. С. 48.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1311. Л. 22.

¹⁵⁷ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 55.

¹⁵⁸ Витте С.Ю. Воспоминания т. III. С. 25.

¹⁵⁹ Там же. С. 27.

¹⁶⁰ Островский А.В. С.Ю. Витте, М.А. Ушаков. К истории Манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 370–371.

¹⁶¹ Там же. С. 370.

встреча М.А. Ушакова с претендентом на пост премьера проходила по инициативе не князя М.М. Андронникова, а самого С.Ю. Витте.

Результат этой встречи не замедлил сказаться. Согласно соответствующим эпизодам из мемуаров С.Ю. Витте и А.А. Мосолова, записанным со слов графа В.Б. Фредерикса, в беседе с последним «великий князь, будучи в каком то неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: “Если государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера”»¹⁶². Через несколько минут состоялось объяснение великого князя с императором, во время которого Николай Николаевич отказался от должности будущего диктатора.

Этот факт привел к тому, что в придворных и великокняжеских кругах Николая Николаевича обвиняли в прямом воздействии на государя по данному вопросу. Так, великий князь Александр Михайлович в воспоминаниях писал: «Из всех членов императорской семьи великий князь Николай Николаевич принял самое большое влияние на наши государственные дела. Два важнейших акта в истории России – Манифест 17 октября 1905 г. и отречение Императора Николая II 2 марта 1917 г. – следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения великого князя Николая Николаевича»¹⁶³.

После встречи с великим князем Николаем Николаевичем, Николай II в тот же день сообщил второму претенденту на пост диктатора, Д.Ф. Трепову, о своем окончательном решении: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее...»¹⁶⁴. Тем не менее даже на подписание самого Манифеста 17 октября Николай II пригласил как С.Ю. Витте, так и великого князя Николая Николаевича, до последнего момента надеясь избежать введения всякого подобия конституционного строя в России.

В борьбе вокруг принятия Манифеста 17 октября для нас важным является поведение великого князя Николая Николаевича, который в столь ответственный для России момент не оказал поддержки Николаю II. В этой истории определенную роль сыграла одна из черт характера великого князя – его подверженность влиянию посторонних лиц. «Это было его достоинством и недостатком, в зависимости от того, кто овладел его доверием», – писал генерал Ю.Н. Данилов¹⁶⁵. Видимо, этим воспользовался опытный С.Ю. Витте, представивший в своих мемуарах великого князя как человека, без давления которого Николай II никогда бы не подписал Манифеста.

История с принятием Манифеста позволяет говорить о том, что 1905 г. символизирует собой момент, когда великие князья отказываются решительно встать на сторону самодержавия. Они уже не столько являются самостоятельными политическими фигурами, сколько используются политиками для достижения своих собственных целей.

«Престиж великих князей подорван окончательно...»

В том же 1905 г. великий князь Николай Николаевич был назначен главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. В его руках оказалась судьба столицы.

Тогда же начали обостряться отношения между великим князем и В.А. Сухомлиновым, командовавшим в то время войсками Киевского военного округа, человеком, пользовавшимся доверием Николая II, а также «оказывавшим влияние на последнего»¹⁶⁶. Суть конфликта В.А. Сухомлинова с великим князем Николаем Николаевичем заключалась, согласно воспомина-

¹⁶² Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 57.

¹⁶³ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 119.

¹⁶⁴ Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 237.

¹⁶⁵ Данилов Ю. Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 83.

¹⁶⁶ Коковцов. В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 279.

ниям В.Н. Воейкова, в следующем: «Государь передал на заключение генерала В.А. Сухомлинова проект реорганизации армии, составленный по инициативе великого князя Николая Николаевича. Проект этот предусматривал образование Совета государственной обороны, выделение Генерального штаба в самостоятельный орган и превращение военного министра в заведующего хозяйственными вопросами и личным составом военного ведомства. Ознакомившись с проектом, генерал В.А. Сухомлинов доложил его величеству, что считает его составленным в духе разложения армии. Несмотря на это, мнение великого князя восторжествовало, и реформа военного министерства была обнародована высочайшим указом от 8 июня 1905 г.»¹⁶⁷. Совет государственной обороны возглавил сам великий князь Николай Николаевич.

В 1908 г. результаты этой реформы обнаружились настолько явно, что возникла угроза полного расстройств командной власти. Осенью того года А.И. Гучков произнес речь в Думе, в которой указывал на вред присутствия безответственных людей в верхних эшелонах власти и настаивал на их устранении. В первую очередь это относилось к великим князьям. В 1917 г. в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства он рассказывал об этом эпизоде следующее: «Для того чтобы убедить в необходимости реформ, нужно было преодолеть симпатии или антипатии того или другого из великих князей и затем еще провести через инстанцию Совета государственной обороны, находившегося под председательством великого князя Николая Николаевича»¹⁶⁸.

Необходимо отметить, что Николай II не принял бы ответственного решения под влиянием думских речей, лишь комбинированное воздействие публичных выступлений и личное влияние В.А. Сухомлинова вынудили императора освободить великого князя от должности председателя Совета государственной обороны. Вскоре после этого генерал В.А. Сухомлинов был назначен начальником Генерального штаба, а затем военным министром, и ему пришлось искоренять нововведения великого князя в военном ведомстве, чем он заслужил искреннюю ненависть Николая Николаевича. Освобождение великого князя Николая Николаевича с поста председателя Совета государственной обороны явилось результатом признания ошибочности проекта реорганизации армии и началом разлада личных отношений между ним и Николаем II. Сам великий князь оценивал создавшееся положение следующим образом: «Престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием»¹⁶⁹. Отставка великого князя Николая Николаевича стала еще одним признаком кризиса семейного правления, а ее результатом явилось дальнейшее падение авторитета великих князей в обществе.

«Вначале государь и государыня встречали Распутина у великих князей Петра и Николая Николаевичей...»

Необходимо также остановиться на личных взаимоотношениях великого князя и Николая II через призму их отношений к такой заметной фигуре начала века, как Г.Е. Распутин.

Процесс оттеснения великих князей с центральных позиций правящей элиты сопровождался их изоляцией от семьи монарха, не последнюю роль в этом стал играть Г.Е. Распутин.

Религиозная атмосфера Петербурга начала XX в. была готова к появлению таких людей, как Г.Е. Распутин. Как известно, у него были предшественники, такие как Григорий Петров, косноязычный Митя и другие. Их принимали в великосветских салонах, приписывали им необычайные свойства, видели в них святых. Аналогичная ситуация сложилась и в императорской семье.

¹⁶⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 112.

¹⁶⁸ Падение царского режима. Т. VI. С. 282.

¹⁶⁹ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. С. 28.

Сразу после приезда в Россию императрица Александра Федоровна особенно сблизилась с двумя черногорскими княгинями – Милицей и Анастасией Николаевнами. Их дружба «была основана на общем мистицизме и опытах спиритизма»¹⁷⁰. В 1906 г. это дало повод говорить, что «первую роль у царя и царицы играет Анастасия Николаевна. Царь и царица верят каждому слову этой Настасьи ради предсказываемого ею полного благополучия»¹⁷¹. Анастасия Николаевна в 1907 г. становится супругой великого князя Николая Николаевича. Ее сестра Милица Николаевна, как уже отмечалось выше, была женой его брата – Петра Николаевича.

Появление Г.Е. Распутина в Петербурге пало на «благодатную почву» религиозных исканий, царивших в столице. Своим приближением к власти он был обязан епископу Феофану, который ввел его в семью сначала великого князя Петра Николаевича, а затем великого князя Николая Николаевича.

Первая встреча царской четы и Г.Е. Распутина состоялась 1 ноября 1905 г., о чем свидетельствует запись в дневнике императора Николая II¹⁷².

«В первый год пребывания в Петербурге чудотворца принимали с большим интересом. Вначале государь и государыня встречали Распутина у великих князей Петра и Николая Николаевичей. Тогда великие князья и их семьи считали его пророком и сидели у его ног», – вспоминала позднее А.А. Вырубова¹⁷³.

Однако уже в 1908 г. дружба между императорской и великокняжеской четами прервалась. «Между царем и великим князем Николаем Николаевичем полное охлаждение, так же как и между царицей и женой этого великого князя Анастасией Николаевной», – записала в дневнике А.В. Богданович¹⁷⁴.

Причина ссоры осталась загадкой. Никто из приближенных не мог с уверенностью сказать, что же произошло. А.А. Мосолов писал, что причины размолвки Их Величеств с княгинями так и остались для него тайной, и «даже Фредерикс не знал хорошо о них»¹⁷⁵. Близкий к великому князю Николаю Николаевичу протопресвитер русской армии и флота отец Георгий Шавельский вспоминал: «Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, разгадавшие Распутина, теперь были далеки от Императрицы. Кажется, ссора произошла именно из-за Распутина»¹⁷⁶.

Именно Г.Е. Распутин стал причиной начала охлаждения отношений между императором и Николаем Николаевичем. Но, видимо, великий князь не придавал должного значения старцу до 1914 г.: лишь тогда он обращается к С.П. Белецкому (директору департамента полиции) с просьбой «дать ему сведения о порочных наклонностях Распутина, так как великий князь решил определенно поговорить об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти С.П. Белецкий дал, черпая материал из имевшейся у него на руках сводки. Впоследствии он узнал, что великий князь свое желание осуществил»¹⁷⁷. Г.Е. Распутин приобрел определенное влияние при дворе, и императрица все чаще начинала прислушиваться к его советам. Это не нравилось великому князю.

Охлаждение отношений между Николаем Николаевичем и Николаем II стало предпосылкой для будущей оппозиции великого князя.

¹⁷⁰ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 104.

¹⁷¹ Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М.; Пг., 1924. С. 397.

¹⁷² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287.

¹⁷³ Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 214–215.

¹⁷⁴ Богданович А.В. Дневник. Три последних самодержца. С. 446.

¹⁷⁵ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 104.

¹⁷⁶ Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота // Григорий Распутин: Сборник исторических материалов: В 4 т. М., 1997. Т. 2. С. 100.

¹⁷⁷ Падение царского режима. Т. IV. С. 150.

«Всякого рода дурные элементы... хотят использовать его как знамя...»

В 1914 г., когда Россия вступила в мировую войну, было необходимо решить вопрос о Верховном главнокомандующем. Николай II не хотел, чтобы назначение великого князя Николая Николаевича на этот пост состоялось в мирное время. По мнению генерала Ю.Н. Данилова, «Государь, который по вопросу о Верховном главнокомандовании в случае войны не давал в мирное время никаких указаний, лелеял, видимо, мысль о возложении этих обязанностей лично на себя»¹⁷⁸. Однако эта идея императора не встречала сочувствия со стороны министров, за исключением военного министра В.А. Сухомлинова. Поэтому когда в первые дни войны на Совете министров, собранном в Петергофе, все присутствующие высказались против желания государя, Николай II решил временно не брать на себя обязанности Верховного главнокомандующего и возложил их на великого князя Николая Николаевича. 20 июля 1914 г. появился высочайший указ о назначении Верховным главнокомандующим действующей армии и флота великого князя Николая Николаевича. «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, привлеченных для военных действий, признали мы за благо...» Такими именно словами начинался упомянутый выше указ, ясно отмечавший временный характер назначения великого князя. Сам Николай Николаевич по этому поводу говорил генералу А.А. Поливанову еще в 1911 г.: «Я себя держу совершенно в стороне, я от этой должности отклоняюсь, а на Сухомлинова не рассчитываю»¹⁷⁹. С данным решением императора была согласна и Александра Федоровна, которая 19 сентября 1914 г. писала супругу в Ставку: «... тебе лучше не быть сейчас во главе армии»¹⁸⁰.

Однако в начале 1915 г. великий князь Николай Николаевич как Верховный главнокомандующий стал приобретать популярность и сосредотачивать в своих руках огромную власть. Отчасти популярность великого князя, по мнению генерала Ю.Н. Данилова, была результатом того, что «в период военных напряжений армии и людской толпе необходимы герои. Они являются реальным воплощением того энтузиазма, той высокой настроенности, без наличия которых среднему человеку трудно идти на страдания и смерть. Что нужды в том, что избранные толпы не всегда в полной мере вооружены теми данными, кои им приписывают. Молва распространяла о великом князе самые легендарные рассказы»¹⁸¹.

Росту его популярности способствовали великие княгини Анастасия и Милица Николаевны. Под их покровительством издавались и распространялись портреты великого князя Николая Николаевича, печатались брошюры. Об этом подробно писал в одном из своих писем Николаю II великий князь Николай Михайлович¹⁸². Имеются сведения на этот счет и у В.Н. Воейкова¹⁸³.

Императрицу раздражали лавры великого князя. Именно его популярность стала одной из причин неприязни Александры Федоровны к Николаю Николаевичу. Ведь недовольство императрицы великим князем проявилось еще в январе 1915 г. и не было связано с отступлением русской армии. 29 января 1915 г. Александра Федоровна писала супругу о великом князе

¹⁷⁸ Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 83.

¹⁷⁹ Падение царского режима. Т. VII. С. 69.

¹⁸⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. III. С. 327.

¹⁸¹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 84.

¹⁸² Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. С. 15

¹⁸³ Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С.148

Николае Николаевиче: «Он находится под влиянием других и старается взять на себя роль, что он не вправе делать, за исключением вопросов, касающихся войны»¹⁸⁴.

В апреле 1915 г. императрица пишет о великом князе Николае Николаевиче снова: «Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга [т. е. Г.Е. Распутина. – *Е.П., К.Б.*], так же как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем – должен бы писать более просто и скромно»¹⁸⁵. От письма к письму отношение Александры Федоровны к великому князю ухудшалось. Письмо от 12 июня 1915 г.: «Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился божьему человеку! [Г.Е. Распутину. – *Е.П., К.Б.*] А эти женщины [Анастасия и Милица Николаевны. – *Е.П., К.Б.*] не дают ему перемениться... Я боюсь назначений Н. – он далеко не умен, упрям и им руководят другие». Письмо от 17 июня 1915 г.: «Ох, не нравятся мне присутствие Н. на этих больших заседаниях по внутренним вопросам... меня его фальшивое положение временами бесит». 24 июня 1915 г. Александра Федоровна писала Николаю II: «Ты должен показать, что ты вовсе не в руках Н. и его штаба, которые управляют твоими действиями и разрешения которых ты должен спрашивать, прежде чем ехать куда-нибудь... Эта предательская Ставка, которая удерживает тебя вдали от войск!» 25 июня 1915 г.: «Я ненавижу твое пребывание в Ставке, т. к. ты там не видишь солдат, а слушаешь советы Н., которые не могут быть хороши. Все возмущены, что министры ездят к нему с докладом, как будто он теперь император»¹⁸⁶.

Такая волна неприятия была не случайна. В чем же именно обвиняла императрица великого князя? Во-первых, как уже было замечено выше, Александру Федоровну раздражала популярность Верховного главнокомандующего. Ее письма переполнены опасениями, что эта популярность может повредить царскому авторитету.

Во-вторых, царица обвиняла великого князя в том, что он враг «божьего человека» Г.Е. Распутина. Великий князь Николай Николаевич действительно ненавидел Г.Е. Распутина. В 1915 г. он считал, что главным проводником в государственную жизнь шедших через Г.Е. Распутина якобы откровений свыше была царица. Великий князь ненавидел и царицу. По словам протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского, близкого к великому князю Николаю Николаевичу, он отзывался об Александре Федоровне следующим образом: «В ней все зло. Посадить бы ее в монастырь, и все пошло бы по-иному, и государь стал бы иным. А так приедет она нас всех к гибели»¹⁸⁷.

В-третьих, императрицу волновало то, что великий князь Николай Николаевич сконцентрировал власть в своих руках, это угрожало престижу монарха. Данное обстоятельство было вызвано возникшим во время войны двоевластием Совета министров и Ставки. Это «двоевластие» стало для Александры Федоровны решающим фактором в ее кампании против великого князя Николая Николаевича. Влияние Ставки возросло настолько, что становилось опасным для авторитета царя. И это было замечено не одной Александрой Федоровной.

Положением, занимаемым великим князем Николаем Николаевичем, была недовольна не только императрица, но и некоторые великие князья. Так, 25 июня 1915 г. Александра Федоровна писала мужу: «Павел [великий князь Павел Александрович – *Е.П., К.Б.*] очень предан, и, оставляя в стороне свою личную антипатию к Н., также находит, что в обществе не понимают положения последнего, нечто вроде второго императора, который во все вмешивается»¹⁸⁸.

С.П. Белецкий, директор Департамента полиции, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства так обрисовывал создавшуюся ситуацию:

¹⁸⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С. 110.

¹⁸⁵ Там же. С. 143.

¹⁸⁶ Там же. С. 203, 207, 218, 224, 243, 244.

¹⁸⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. I. С. 190.

¹⁸⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С. 248.

«Между Государственной думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинений правительства не только в неподготовленности к войне, но и в нежелании идти навстречу пожеланиям Государственной думы в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Государственную думу прибегать к поддержке своих начинаний в верховной Ставке, ставшей в интересах армии на сторону Государственной думы, и тем, значит, выдвинули роль великого князя Николая Николаевича в делах государственного управления»¹⁸⁹. Кроме того, положение о полевом управлении войсками, утвержденное Николаем II 16 июля 1915 г., предоставило Верховному главнокомандующему огромные права в тылу. Положение составлялось в расчете, что командующим будет сам царь. Но даже в этом случае право военных вмешиваться в гражданское управление в зоне боевых действий, не уведомляя о своих распоряжениях ни отдельные ведомства, ни Совет министров, раскалывало страну на две самостоятельно управляемые части. Теперь же двоевластие Совета министров и Ставки быстро приобрело политическую окраску.

В первые недели войны были созданы Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Их официальной целью было оказание помощи раненым, а затем и беженцам. Фактически же под их прикрытием происходила организация думской оппозиции для будущих переговоров с правительством по вопросу послевоенных реформ. Ставка давала повод для надежд оппозиции.

За согласование кадровой политики самодержавия с Думой и, прежде всего, за удаление в отставку министра внутренних дел Н.А. Маклакова выступали: великий князь Николай Николаевич, глава кабинета И.Л. Горемыкин, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин и начальник походной канцелярии царя князь В.Н. Орлов. Замена Н.А. Маклакова А.Д. Самариным планировалась ими еще осенью-зимой 1914 г. 30 декабря 1914 г. В.Н. Орлов писал великому князю Николаю Николаевичу: «Я в пути имел доклад у Государя, как я о сем предупредил Ваше Высочество, и, слава Богу, многое сказал. Сейчас Горемыкин меня вызвал и сказал, что Государь в этот раз был совершенно подготовлен к его докладу мною и что вопрос об уходе Маклакова решен... Это знают теперь только Государь, Ваше Высочество, Горемыкин, Кривошеин и я. И больше никто»¹⁹⁰. Но Николай II не отправил в отставку Н.А. Маклакова, и, таким образом, первые попытки перемен в правительстве с помощью влияния великого князя не оправдались.

Давление на императора возобновилось в июне 1915 г., в разгар Великого отступления, о чем князь В.Н. Орлов писал 2 июня 1915 г. начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу: «...пока все же думаю, что великому князю еще не надо вмешиваться в этот вопрос. (Речь идет об удалении Н.А. Маклакова, В.А. Сухомлинова, И.Г. Щегловитова, В.К. Саблера и В.Н. Шаховского. – *Е.П., К.Б.*). Попробуем мы тут поднять все силы; не удастся – тогда великий князь будет у нас в резерве»¹⁹¹. Резерв, видимо, пришлось задействовать. Великий князь Николай Николаевич уже после Февральской революции в беседе с великим князем Андреем Владимировичем вспоминал, что имел разговор о внутреннем положении с Николаем II в июне 1916 г.¹⁹² Под воздействием революционных событий великий князь неправильно указал дату разговора. Беседа состоялась не в июне 1916 г., так как в это время великий князь был на Кавказском фронте, а в июне 1915 г. и речь шла, скорее всего, об удалении вышеуказанных министров.

Таким образом, под давлением великого князя Николая Николаевича и сгруппировавшегося вокруг А.В. Кривошеина большинства кабинета Николаю II пришлось в июне 1915 г.

¹⁸⁹ Падение царского режима. Т. IV. С. 275.

¹⁹⁰ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. С.158.

¹⁹¹ Там же. С.163.

¹⁹² Из дневника А.В. Романова // Красный архив. 1928. Т.1 (26). С. 197.

пожертвовать крайне правыми, «невыносимыми» для Думы Н.А. Маклаковым, В.А. Сухомлиновым, И.Г. Щегловитовым, В.К. Саблером. Это явилось своеобразным итогом политической деятельности великого князя Николая Николаевича в Ставке.

В исторической литературе высказывались различные мнения относительно причин, побудивших императора пойти на смещение Верховного главнокомандующего¹⁹³. На принятие царем решения об отставке великого князя Николая Николаевича и возложения на себя его должностных обязанностей оказал влияние комплекс факторов: отступление русской армии, усиленное вмешательство самого великого князя во внутренние дела, тяготение к нему либеральной оппозиции, жалобы министров на вредные последствия несогласованности в действиях военных и гражданских властей, негативное отношение к великому князю императрицы Александры Федоровны, находившейся под влиянием Г.Е. Распутина. Но, возможно, и сам великий князь Николай Николаевич подтолкнул Николая II к принятию этого решения. 1 августа 1915 г. в письме к статс-секретарю А.В. Кривошеину, которое он «дословно» просил передать императору, великий князь выражал беспокойство, что правительство и Государственная дума просят его «заменить генерала Н.Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова другими лицами». Великий князь Николай Николаевич дорожил этими людьми, поэтому настаивал на том, что «этот вопрос мог быть приведен в исполнение только в одной форме. Воля Государя Императора, мне выраженная». И далее он продолжал: «...обстоятельства могли сложиться иначе, а именно – залог успеха считали бы в удалении меня. В таком случае – я *восторженно* уступил бы свое место. Если бы было сочтено, что на меня следует надеть кандалы, – сам бы помогал их на себя накладывать»¹⁹⁴. Что побудило великого князя написать последние строки? Возможно, он осознал, что чрезмерные контакты с правительством и Государственной думой, привели к тому, что они стали давать рекомендации заменять близких ему лиц другими людьми. Примечательно, что в этом случае он ищет защиты у императора. Возможно, до него дошли слухи, что Александра Федоровна подозревает его чуть ли не в заговоре. В настоящий момент это выяснить трудно. Ясно одно: данное письмо если и не подтолкнуло императора к принятию решения о Верховном главнокомандовании, то укрепило Николая II во мнении о правильности своих действий.

Николай II принял решение о возложении на себя должности Верховного главнокомандующего в начале августа и сообщил о нем Совету министров 6 августа 1915 г.

Отрицательная позиция министров по данному вопросу была ясна еще в начале войны, когда они высказались против принятия Верховного главнокомандования государем. «Большинство министров считали государя по его личным качествам неподходящим для роли активного вождя действующих войск, само же решение – отбыть на постоянное пребывание к армии – не соответствующим условиям времени», – вспоминал генерал Ю.Н. Данилов¹⁹⁵. 21 августа 1915 г. по настоянию большинства министров император Николай II собрал у себя в Царском Селе Совет министров.

Во время заседания министры указывали ему на то обстоятельство, что Россия не приписывает постигшие неудачи вине великого князя, и отметили те опасности, которые сопряжены с тем, что император оставит столицу. Государь с усталым и неопределенным видом выслушал речи и в заключение кратко произнес: «Я остаюсь при своем решении...». «В подавленном настроении разъезжались участники этого исторического заседания. Но на другой день большинство их собралось вновь у министра иностранных дел С.Д. Сазонова»¹⁹⁶. На этом секретном совещании было составлено письмо царю, в котором говорилось, что принятие

¹⁹³ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы I мировой войны. Л., 1988. С. 178.

¹⁹⁴ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. С. 164–165.

¹⁹⁵ Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 67.

¹⁹⁶ Там же. С. 68.

главнокомандования императором грозит тяжелыми последствиями государю, династии, России. Письмо подписали государственный контролер П.А. Харитонов, министр земледелия А.В. Кривошеин, внутренних дел князь А.П. Щербатов, иностранных дел С.Д. Сазонов, финансов П.Л. Барк, просвещения граф П.Н. Игнатъев, торговли В.Н. Шаховской и обер-прокурор Синода А.Д. Самарин. Военный и морской министры письма не подписали, но обещали доложить государю об их солидарности с подписавшими.

15 сентября министры были вызваны в Ставку по поводу письма, где государь с выражением неудовольствия высказался о том, что его воля о принятии Верховного командования совершенно непреклонна и тем не менее, он был чрезвычайно удивлен, получив письмо за подписью министров, что он совершенно не понимает, как они себе позволили это сделать¹⁹⁷.

«Министерская забастовка» не дала результатов, и мнение министров не было принято во внимание. Характерно, что они возражали не столько против снятия с поста главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, сколько против вступления в эту должность Николая II.

Решение императора встать во главе действующих войск было встречено общественностью по-разному. На чрезвычайном собрании Московской городской думы раздавались громкие протесты против этого решения. «Об этом отношении государь был осведомлен особым письмом председателя Государственной думы М.В. Родзянко, который “умолял” царя не возлагать на себя Верховное командование и не рисковать своим положением»¹⁹⁸. Такое отношение Думы к поступку государя было вполне обоснованным, учитывая то, что Ставка во главе с Николаем Николаевичем была средоточием надежд думских лидеров.

Теми же мыслями проникнуто письмо командующего Северо-Западным фронтом генерал-адъютанта М.В. Алексева великому князю Николаю Николаевичу 11 августа 1915 г. с просьбой передать обстоятельства, изложенные в письме Николаю II: «Та обстановка, в которой находятся в данное время почти все армии Северо-Западного фронта, крайне сложна, тяжела и ответственна... Высшие интересы требуют, чтобы Его Императорское Величество соизволили вступить в верховное начальствование войсками только тогда, когда будет пережит настоящий кризис, когда армии, хотя и ослабленные, будут поставлены в более благоприятное положение»¹⁹⁹. Ответом на это послание была телеграмма великого князя от 14 августа 1915 г.: «Письмо Ваше получил. То, что вы желаете – передам. Ваши соображения имеют за собою большие основания, но для решения вопроса надо взвесить всю совокупность (sic!) – и тогда. По моему мнению, медлить тоже не следует, это вызовет еще худшие последствия. Генерал-адъютант Николай»²⁰⁰. Примечательно, что все уговоры сводились к представлению опасности для личного престижа царя при возможных неудачах во время его командования войсками. Подобные доводы меньше всего могли повлиять на императора, настроенного всегда, а в то время особенно, чрезвычайно жертвенно.

После своей отставки Николай Николаевич был назначен командующим Кавказским фронтом. Однако даже удаление на Кавказ, подальше от Петрограда, не успокоило Александру Федоровну. По дороге на Кавказ великий князь задержался в своем имении Першино. 11 сентября 1915 г. Александра Федоровна писала мужу: «Милый мой, прикажи ему скорее ехать на юг. Всякого рода дурные элементы собираются вокруг него и хотят использовать его как знамя»²⁰¹. Одиозная фигура великого князя продолжала раздражать императрицу.

¹⁹⁷ Падение царского режима. Т. VII. С. 70.

¹⁹⁸ Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 68.

¹⁹⁹ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. С. 165–166.

²⁰⁰ Там же. С. 178.

²⁰¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С. 348.

Сам великий князь Николай Николаевич принял известие об отставке спокойно, по крайней мере внешне. Как писал Николай II жене: «Великий князь был в хорошем расположении духа, в каком мы его редко видели в течение многих месяцев»²⁰². Однако, по свидетельству адъютанта другого великого князя Михаила Александровича Н.А. Врангеля, этому спокойному поведению предшествовала довольно решительная реакция великого князя накануне увольнения. Н.А. Врангель сделал на этот счет в своем дневнике следующую запись: «Государь написал великому князю письмо, в котором весьма умело и деликатно сказал, что в столь тяжелое время для России он считает своим долгом перед лицом родины взять всецело на себя ответственность, возложенную на него Богом, – и принять на себя верховное командование. Государь выразил надежду, что чины штаба великого князя, ввиду крайнего недостатка в офицерах, станут в строй. Это письмо вызвало ярость великого князя. Главнокомандующий, который прочел его при штабе, прибавил: “Меня выгоняют, а из вас хотят сделать пушечное мясо”. После этого великий князь хотел приехать в Петроград. Но на его просьбу государь ответил письмом, опять очень умным: что, во-первых, присутствие его на Кавказе, где войска его ждут, необходимо и что приезд его в столицу может вызвать нежелательные манифестации»²⁰³.

Неоднозначную оценку это смещение вызвало в великокняжеской среде.

Наиболее активные действия были предприняты великим князем Дмитрием Павловичем. Узнав о намерении Николая II принять на себя Верховное командование русской армией, он, заказав экстренный поезд, отправился из Ставки в Петроград с целью попытаться изменить решение императора. Дмитрий Павлович взял на себя смелость объяснить Николаю II, что не только он, но и практически вся армия умоляла императора не брать на себя командование. Николай II был тронут и, казалось, готов изменить свое решение. Дмитрий Павлович был уверен, что добился успеха. Однако спустя два дня он узнал из газет, что Николай II принял на себя Верховное главнокомандование из рук великого князя Николая Николаевича. Несмотря на свой поступок, великий князь Дмитрий Павлович получил впоследствии должность адъютанта при Верховном главнокомандующем²⁰⁴.

Тяжело восприняла известие о вступлении сына в должность Верховного главнокомандующего вдовствующая императрица Мария Федоровна. В ее памятной книжке на этот счет есть соответствующая запись: «От этого сообщения я почувствовала себя так плохо, что меня чуть не хватил удар. Я высказала ему [Николаю II. – *Е.П., К.Б.*] свое мнение, умоляя не делать этого, настаивая на том, что необходимо бороться с этими ошибочными заблуждениями и особенно сейчас, когда наше положение на фронтах так серьезно. Я добавила, что если он это сделает, то все увидят, что это приказ Распутина»²⁰⁵. Дневник великого князя Андрея Владимировича также свидетельствует о реакции Марии Федоровны: «Ее волнует больше всего вопрос о Николае Николаевиче. Она считает, что удаление поведет к неминуемой гибели Н. [Николая II. – *Е.П., К.Б.*], так как этого ему не простят. Во всем разговоре она выгораживала Ники, считая Аликс виновницей всего». Сам Андрей Владимирович считал, что «удаление Николая Николаевича на Кавказ есть огромная ошибка»²⁰⁶.

²⁰² Там же. С. 266.

²⁰³ РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

²⁰⁴ Скотт С. Романовы. Царская династия: Кто они были? Что с ними стало? Екатеринбург: 1992. С. 197–198.

²⁰⁵ Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000. С.149.

²⁰⁶ Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С.70.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания